Владимир Зантариа

КУЛЬТУРНЫЙ ОАЗИС ПИЦУНДСКОГО «ЛИТФОНДА»

Из хроники литературных взаимосвязей

Сухум
Абгосиздат
2024

УДК 908(5)
ББК 76(5Абх)
З 28

Зантариа, В. К.

З 28 Культурный оазис Пицундского «Литфонда» : из хроники литературных взаимосвязей / Владимир Зантариа. – Сухум : Абгосиздат, 2024. – 175 с.

Г/Р 978-5-122-61-05024

Истории, воспроизведенные в данном исследовании известным абхазским писателем, эссеистом, доктором филологических наук, академиком АНА Владимиром Зантариа, возвращают к советской эпохе, когда в знаменитом пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа происходили незабываемые встречи и беседы мастеров художественного слова. Здесь зарождались произведения, публиковавшиеся затем на страницах самых известных литературных журналов, выходили отдельными книгами, становясь бестселлерами, пользовавшимися широкой популярностью.

Автор рассказывает о путях реализации уникального проекта «Пансионат “Литфонд”», раскрывает атмосферу, царившую на пицундских литературных «посиделках», на творческих семинарах, симпозиумах. В книге также затронуты сюжеты закулисной жизни известных абхазских и российских писателей, не обойдены вниманием и некоторые анекдотические истории.

© Зантариа, В. К. 2024
© Абгосиздат, 2024

«С бессмертной душой земли...»

Пицунда — воистину сказочный уголок знаменитого Абхазского Причерноморья. По данным некоторых письменных источников, история происхождения Пицунды, овеянная древними мифами и легендами, уходит корнями во II тысячелетие до н. э. Ещё Страбон называл этот общепризнанный центр древней цивилизации Великим Питиунтом.

Не раз, проводя в Пицунде свой творческий отпуск, я начинал с того, что долго вслушивался в таинственную тишину тысячелетних реликтовых сосен и морского штиля, как в «Лунную сонату» Бетховена... Я чувствовал, как такое безмолвное и самоуглублённое общение с вечнозелёными красавцами даёт особую духовную силу и энергию. Здесь пленяет взор буйство красок природы, сочетающей в себе колорит взаимопроникновения дымчатой пейзажности лдзаавских холмов и самобытно-экзотичной диковинности долины озера Инкит. Здесь невозможно не обратить внимания на лапидарно-классическую очерченность ландшафта всего пицундского побережья.

Величественный образ пицундских сосен — удивительных абхазских эндемиков — не мог остаться вне поля зрения выдающихся мастеров слова. Наблюдательный и утончённый во

всем Александр Твардовский, впервые ступив на пицундскую землю в 1962 году, достаточно метафорично и ёмко выразил в своих дневниках философское отношение к судьбе редкостных деревьев, символизирующих извечную стойкость и непокорность духа:

«…Сосны той породы, которая, говорят, на всей земле вымерла лет 30 000 тому назад. У них нет родни ни в этих горах Кавказа, от которых они отодвинуты к самому морю, ни на Урале, ни на Дальнем Востоке, ни в Канаде, нигде. Одинокое, отчуждённое племя сосен, как будто знающих что-то своё, но и живущих уже, как во сне, за чертой своего века. Как выразительно, что они сбились у самого моря, сливают свой шум с его шумом и «жаханьем», — им есть, должно быть о чём поговорить: у моря век ещё куда более древний…»

Пицундским соснам посвятил свои замечательные стихи Н. Тихонов. Поэт-имажинист, драматург, прозаик Анатолий Мариенгоф о поездке в нашу страну (1958 г.), о неотразимой красоте пицундских сосен написал весьма взволнованно и трепетно: «Мы жили в Пицунде. Это Абхазия. Это под синим небом тёплое море, такое же красивое, как все тёплые моря. Это берег в мелкую округлую гальку, к которому с гор спустились сосны.

Пятисотлетние сосны и постарше. Нам особенно нравились те, что постарше. Мы могли их обнять только вдвоём с Никритиной (Анна Никритина, жена Мариенгофа, актриса кино и театра — *В. З.*). Рядом с ними наши подмосковные вековые сосны казались тонкими юными деревцами. Я был так увлечён Пицундой, что даже перестал читать газеты. А у себя дома, в Ленинграде, они мне казались столь же необходимы, как две утренние чашки крепкого кофе. Мы с Никритиной ходили и ходили по толстым мягким коврам из жёлтой хвои. До войны в царскосельских дворцах лежали почти такие же роскошные ковры». Посмотрите, из каких редких сравнений, эпитетов, из каких кусочков мозаики состоит этот замечательный текст!

Восхитительная пицундская природа, пленительная роскошь знаменитой пицундской сосны в своё время волновала воображение известных абхазских поэтов. В своем стихотворении «Сосны и люди» Юрий Лакербай придал соснам яркую загадочно- аллегорическую окраску:

Мыс Пицундский…
Здесь город растёт,
Новый город, заложенный нами,
Добрый город с большими домами,
Яркий, словно гранатовый плод!

Город будет на тысячи лет.
Только сосны рубить мы не будем,
Это давние, давние люди
Нам послали зелёный привет!

В не менее глубоком художественно-философском и медитативном преломлении предстает извечный символ пицундской сосны в стихотворении Дениса Чачхалиа «Неистребимость»:

Сосны. Пицундские сосны
На полукруглом мысу
Словно забыли, что осень
Красит деревья в лесу.

Рощи, сосновые рощи,
Вы перед нами правы:
Вам умереть было проще,
Только не вымерли вы.

С ветром и бурями споря,
Вам не давала упасть
В землю влюблённого корня
Вечнозелёная страсть…

Думаю, эти интересные и трогательные размышления о Пицунде, её природе, несущие в себе отголоски драматичной абхазской истории, могут

сослужить роль небольшого пролога к основной теме — рассказу о том, как и в каких условиях создавался Дом творчества им. Д. И. Гулиа. В процессе работы над очерком я испытывал чувство глубокого удовлетворения от того, что тот или иной сюжет постоянно обрастал новой информацией, новыми фактами и психологическими нюансами. На каком-то этапе мне нелегко было поверить в то, что это по сути неисчерпаемая тема, незаслуженно оставшаяся в тени общих исследований опыта литературных взаимосвязей.

Марш-бросок в историю пицундского «Литфонда»

На первый взгляд это высотное здание не отличается ничем особенным от соседних корпусов курортных пансионатов советского образца, символизировавших облик брутализма с его подчёркнутой массивностью форм и конструкций.

Однако за 40 с лишним лет «пицундский “Литфонд”» (такое название закрепилось за комплексом и среди отдыхающих, и среди местных жителей) занял значительную нишу, как в архитектурном ансамбле новой (возрождавшейся) Пицунды, так и в многообразной художественно-публици-

стической летописи российско-абхазских творческих взаимосвязей.

Предыстория и история его создания, крайне скупо освещённая в прессе, во многом перекликается с уникальной, пока ещё не до конца исследованной документальной хроникой культурного сотрудничества Абхазии со странами бывшего СССР.

Между тем это — маленькое окно, широко распахнутое в большой, многоликий и многоголосый мир художественного творчества, в котором абхазская культура изначально занимала своё скромное, но достойное место. Многие представители литературной элиты бывшей советской державы рассказывают в своих воспоминаниях, дневниках и мемуарах о днях пребывания в пансионате «Литфонд», делятся с читателями своими впечатлениями. В раскрываемых ими эпизодах немало не только художественной интриги, но и юмористического шарма. Некоторые авторы откровенно признаются в том, что благотворная аура Пицунды (а также Абхазии в целом и её культуры) как бы изнутри настроила их на творческую волну. Конечно, бывали здесь и такие писатели, которые расслаблялись настолько, что возвращались домой лишь с черновиками и набросками каких-то стихов, рассказов, притч. Но для насто-

ящего писателя — это уже хороший задел, ценное подспорье для дальнейшей работы.

Думаю, и в наши дни многие туристы с удовольствием пополнят копилку своих знаний о нашей стране информацией о том, что здесь, в пицундском Доме писателей, в разное время звучали стихотворения Баграта Шинкуба, Фазиля Искандера, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Ивана Тарба, Мушни Ласуриа, Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Олега Чухонцева, Андрея Дементьева, Владимира Солоухина, Вячеслава Куприянова и других знаменитостей. Здесь они читали друг другу собственные, ещё не опубликованные стихи, спорили о новых явлениях мировой литературы, то есть литературная жизнь не перетекала в стенах Дома творчества им. Д. И. Гулиа в русло пассивного времяпрепровождения и курортно-сибаритской беспечности.

Пицундский «Литфонд» помнит голоса известных абхазских авторов: Алексея Гогуа, Георгия Гублиа, Алексея Джениа, Джумы Ахуба, Таифа Аджба, Николая Квициниа, Платона Бебиа, Нелли Тарба, Виталия Амаршан, Рушбея Смыр, Геннадия Аламиа, Дениса Чачхалиа, Даура Зантария, Инны Хашба, Анатолия Лагулаа, Николая Патулиди, Надежды Венедиктовой.

В своё время здесь, в читальном зале библиотеки и в курзале пансионата, кипели литературные страсти, шли жаркие дискуссии по проблемам развития жанров, стилевых направлений, тенденций становления и профессионального совершенствования художественного перевода. И в этой прекрасной атмосфере рождались замыслы совместных изданий (антологий), идеи новых форматов свободного общения писателей. В частности, я был очевидцем того, как титан абхазской прозы Алексей Гогуа с головой погружался здесь, в Пицунде, в работу над романом-рапсодией «Асду» («Большой снег»). Позже эта вещь станет культовой, знаковой. Возвращались из Пицунды в Сухум с новыми блестящими поэтическими подборками виртуозы стиха Мушни Ласуриа, Таиф Аджба, Виталий Амаршан, Геннадий Аламиа, Рушбей Смыр.

Порой возникает вопрос: а в чём же разница между тем, что создано писателем в Сухуме и Пицунде? Вроде бы эти города расположены практически в одной экологической нише…

Поэт, прозаик, главный редактор журнала «Алашара» Анатолий Лагулаа раскрывает нам секрет вдохновения, романтики, навеянных Пицундой — своеобразным литературным пленэром, редким островком художественного творчества:

«Для писателя пицундский Дом творчества — это царством муз! Здесь ощущаешь чистоту воздуха, пропитанного черноморским ароматом, величественную красоту заповедника. Всё это настраивает тебя, твою душу на творческий лад, подобно струнам абхазского ачамгура. Здесь ты ищешь и находишь сокровенные, исповедальные слова, подспудно вызревавшие в тебе давно. Как будто не хватало некоего раскрепощения, чтобы они выплеснулись в стихи или новеллы. Пицундская атмосфера чудодейственным образом окрыляет твои строки, как бы готовя их к феерическому полёту! Лучшие поэтические и прозаические произведения, созданные мной за последние годы, рождались именно здесь. В Доме творчества — особая аура… И, видимо, в определённой степени этому способствует присутствие здесь духа и гения самого Дмитрия Гулиа!»

Вследствие распада СССР и вызванных им политических катаклизмов пицундские интеллектуальные беседы и семинары стали редкими и эпизодичными. Увы, они остались лишь в анналах истории. Однако ностальгия по плодотворному творческому обмену, незабываемым литературным диалогам заметно усиливается в наши дни, когда над нами довлеет кризис духа (духовности).

Люди искусства по-прежнему живут упованиями на то, что рано или поздно усилия писателей, мастеров сцены, художников, дипломатов, учёных приведут к возрождению некогда утраченного культурного пространства. Удастся ли вернуться к атмосфере вольнодумства пицундских «чтений» и «литературных чаепитий» — покажут время, характер и векторы развития событий бурного и труднопредсказуемого XXI века.

Однако, несмотря на разрушительные последствия пережитых нами драматических потрясений и хаоса, следует отметить и то полезное, позитивное, рациональное, что удалось сохранить ценой неимоверных усилий ряда волевых личностей.

Примечательно, что во время Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993 гг.), когда многие крупные курортно-туристические и культурные объекты были разрушены или значительно пострадали в ходе боевых действий, пансионат «Литфонд» удалось уберечь во многом благодаря совместным энергичным действиям Союза писателей Абхазии, Администрации Дома творчества им. Д. И. Гулиа, его коллективу (во главе с ветераном национально-освободительного движения Д. К. Пилия).

А для того, чтобы уникальный писательский Дом вновь стал функционировать после войны,

в тяжелейших условиях экономической блокады Абхазии, понадобились значительные усилия абхазских писателей (достаточно многочисленной Абхазской писательской организации), которая смогла сохранить за собой статус правопреемницы писательского сообщества бывшего СССР (и его Литфонда). Не было бы такой принципиальной постановки вопроса — неизвестно, чьей вотчиной стал бы пицундский «Литфонд». И здесь, конечно, было бы справедливо, резонно и логично подчеркнуть личный вклад Б. Шинкуба, И. Тарба, А. Гогуа, М. Ласуриа, Б. Гургулиа, Н. Квициниа, Т. Чаниа, Г. Аламиа, А. Мукба и других, которые в разные годы возглавляли мощную Абхазскую писательскую организацию. Они последовательно добивались сохранения не только творческих, но и правовых отношений Союза писателей и Ассоциации писателей РА с Домом творчества писателей им. Д. И. Гулиа. Выводя деятельность пицундского «Литфонда» на договорную основу, первый президент РА Владислав Ардзинба с пониманием отнёсся к идее сохранения некоторых преференций для литераторов Абхазии.

В этом нелёгком, в чём-то и конфликтном процессе значительна роль известного поэта, переводчика, историка, лауреата Государственной премии им. Д. И. Гулиа, почётного доктора Академии наук

Абхазии Дениса Чачхалиа. В конце 1980-х совместно с Союзом писателей республики он энергично возглавил работу Национального Литфонда, учреждённого в экстремальных блокадных условиях.

Были предприняты первые заметные шаги по налаживанию связей пицундского Дома творчества с писателями дружественной России. В то же время абхазские литераторы, несмотря на отсутствие в ту пору достаточно комфортабельных условий в родном пансионате, продолжали прерванную войной творческую деятельность. Из личной беседы со многими абхазскими авторами мне известно, что они работали здесь не только над рукописями незавершённых произведений, но и над новыми вещами, начатыми или завершёнными в дни их пребывания в Пицунде, уже в условиях независимой Абхазии.

Как зарождался Литфонд в России?

Сегодня, в эпоху бурного вторжения технократической цивилизации в жизнь человека, в сферу культуры, видимо, многие не имеют полноценного представления об истории возникновения такого социально-исторического феномена, как Лите-

ратурный фонд. Поэтому очевидна целесообразность изложения краткой исторической справки о его происхождении.

На стадии своего зарождения это общественное объединение заявило о себе как «Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным». Оно было учреждено в 1859 году в Санкт-Петербурге. Идея создания Литфонда по подобию английского Literary fund принадлежала писателю Александру Дружинину. Она была воспринята с сочувствием и одобрением собратьями по литературному цеху: Иваном Тургеневым, Николаем Чернышевским, Николаем Некрасовым, Константином Кавелиным, Павлом Анненковым и другими. Идею создания Литфонда изначально поддержал Лев Толстой. Проект устава общества был составлен Заблоцким-Десятовским и Кавелиным и «высочайше утверждён 7 августа 1859 года». Первое общее собрание учредителей состоялось 8 ноября 1859 года на квартире Евграфа Петровича Ковалевского. Литфонд России продолжал свою деятельность до революции 1917 года. Прерванная гражданской войной и другими политическими потрясениями работа Литфонда была возобновлена с 1923 года.

Средства Литфонда складывались из членских взносов и пожертвований энтузиастов.

«Чтения, лекции и спектакли Литературного фонда имели шумный успех. Это были встречи писателей с читателями, на которых публика видела впервые своих любимых авторов. Выступали Островский и Писемский, Тургенев и Гончаров, Достоевский и Некрасов, Полонский и Майков и др.» (Литературному фонду СССР — 125 лет. Внешторгиздат. Изд. № К1297. С. 5). Средства, заработанные на таких акциях, шли на пожертвования и помощь нуждавшимся (осиротевшим) литераторам, учёным и их семьям, а также на издание литературных и научных изысканий авторов, которые не были в состоянии издать их своими силами и возможностями. Литфонд практиковал в соответствии со своим Уставом выдачу ссуд писателям и учёным.

Примечательно, что известный писатель-публицист В. О. Михневич завещал Литфонду ещё при жизни собственную усадьбу, а инженер В. Ф. Голубев — 150 тыс. руб. Благодаря этим пожертвованиям впервые в России был создан «Дом писателя» из 12 комнат — с библиотекой, читальным залом, прачечной и столовой (из книги «Литературному фонду СССР — 125 лет». С. 11).

Уже в советскую эпоху новая страница в истории этого крупного объединения открывается с «Постановления СНК СССР об образовании Литературного фонда СССР», вышедшего 28 июля 1934 года. Согласно новому документу, членам

ССП полагались следующие виды помощи: специальные пособия начинающим авторам, возвратные пособия, безвозвратные пособия в случаях тяжёлого материального положения. Была установлена выдача пособий всем членам Литфонда в случае нетрудоспособности в размере от 200 до 600 рублей в месяц, причём для членов ССП — до 1 тысячи рублей. Пособие не могло превышать 6 тысяч рублей в течение года для членов ССП и 3 тысяч рублей — для остальных членов Литфонда. Созданный в соответствии с Законом (издан 28 июля 1934 г.) Литфонд СССР получил название в честь существовавшего с 1859 г. (до Гражданской войны) общественного объединения, выполнявшего некоторые функции писательского профсоюза. До развала СССР Литфонд был подотчётен СП СССР.

***

Таков нелёгкий путь поэтапного становления профессионального сообщества, сыгравшего значительную роль в судьбе многих писателей и их семей. Почти все мастера абхазского художественного слова, являясь членами СП СССР, одновременно состояли в Литфонде, который в меру своих возможностей оказывал им материальную поддержку.

И для абхазских писателей, и для абхазской литературы в целом имеет особое, возможно, даже судьбоносное значение сохранение традиционных связей с пицундским Домом творчества им. Д. И. Гулиа. И конечно, чувствуется большая разница между тем, каким был пансионат после войны, и тем, каким он стал сейчас.

В последние годы процесс реконструкции пицундского «Литфонда» набирает обороты. Дом творчества, где в своё время отдыхали и создавали свои произведения классики мировой литературы, находится сейчас на этапе своего кардинального обновления. Госкорпорация по атомной энергии «РОСАТОМ» (генеральный директор — А. Е. Лихачёв), вкладывает значительные финансовые средства в модернизацию комплекса. Осуществлен капитальный ремонт основного (малого) корпуса с учётом дизайна и эстетики внутреннего интерьера. Благоустроены территория, парковая зона, оснащены современным оборудованием спортивные площадки. Строится пятиэтажный медицинский центр, услугами которого будут пользоваться наряду с отдыхающими и писатели, приезжающие сюда в творческую командировку.

Разумеется, у арендатора свои экономические расчёты, свои долгосрочные бизнес-планы. А за-

дача писателей — не утратить свою заслуженную нишу, своё присутствие в роскошном дворце, уцелевшем от пожара войны в первую очередь благодаря доблестным воинам — защитникам Абхазии и членам Абхазской писательской организации.

На мой взгляд, заслуживает особого внимания ещё один величественный символ. Напротив фасадной части основного корпуса установлен новый бюст патриарху абхазской литературы Дмитрию Гулиа, с именем которого ассоциируется зарождение и развитие российско-абхазских культурных взаимосвязей. Скульптурный портрет выполнен народным художником Абхазии Амираном Адлейба. Этот вопрос давно волновал абхазскую интеллигенцию — исполнительный директор пансионата А. Е. Авидзба лично содействовал реальному воплощению проекта, обеспечивая реализацию всех намеченных в пансионате планов. Памятник стал своеобразным и знаковым жестом уважительного отношения к историческим и культурным традициям республики. Также под руководством Анатолия Еснатовича ведётся подготовка уголка и фотоэкспозиции, вкратце отражающей историю создания Дома творчества и творческого процесса, связанного с деятельностью известных писателей. Среди абхазских писателей бытует

мнение, что в пансионате «Литфонд» рано или поздно будет создан литературный музей, который, безусловно, станет лучшей рекламой туристического объекта.

Свой весомый вклад в развитие инфраструктуры Дома творчества внесли Г. Багатурия, З. Агрба, Ш. Пилиа, Д. Пилиа в разное время являвшиеся руководителями пансионата. Программу по возрождению комплекса координирует первый заместитель гендиректора по корпоративным функциям АО «Концерн Росэнергоатом» Д. Л. Ткебучава.

«Как сказать по-абхазски “люблю”?»

Недавно мои поиски материалов об абхазо-российских литературных взаимосвязях пополнились новыми находками. Директор Национальной библиотеки им. И. Г. Папаскир в г. Сухум Борис Чолария любезно предоставил мне рукописи стихов об Абхазии и Пицунде, созданных поэтами, прозаиками и переводчиками, которые в разное время останавливались в пицундском «Литфонде». Эти посвящения вошли в рукописный сборник «У самого синего моря». Забегая вперёд, хотел бы процитировать одно из проникновенных стихотворений, автором которого является поэт из Ангарска Валерий Алексеев:

Слышу моря космический гул,
Вижу смуглые девичьи лица…
По дороге на озеро Рица
Наш автобус сюда завернул.

Ветер яростно волны полощет
У застенчивых пальм на виду.
Я от них по реликтовой роще
В кайнозойскую эру иду.

Это время мне кажется сказкой,
Но поняв, что оно не моё,
Я знакомлюсь с прекрасной абхазкой
И, как мальчик, влюбляюсь в неё.

Притворясь равнодушным для вида,
Каждый взгляд её сердцем ловлю,
И шепчу тихо на ухо гиду:
— Как сказать по-абхазски «люблю»?

Казалось бы, это строки, написанные экспромтом, лёгким росчерком пера, навеянные сиюминутными эмоциями и впечатлениями. Однако и они, на мой взгляд, представляют определённую ценность для тех, кто интересуется психологической атмосферой, царившей в замечательном писательском Доме. И эти отнюдь не претенциозные стихи могут стать частицей литературной

хроники, запечатлевшей отношение русской интеллигенции к абхазской культуре. В найденном сборнике я встретил стихи Михаила Курганцева, замечательного московского поэта-переводчика, которого я знал лично, а также Василия Соколова из Новгорода, ленинградского поэта Владислава Шошина и многих других авторов. Все они прямо или косвенно причастны к тем интересным литературным событиям, которые происходили в Доме творчества. Уезжая, писатели мысленно возвращались к писательскому Дому на берегу лазурного моря, с которым успели сродниться, ощутив здесь новые источники творческой энергии и вдохновения.

Я ещё вернусь к некоторым из поэтических посвящений, ставших частью вышеупомянутого сборника. Но для полноты и достоверности информации о литературных взаимосвязях обратимся к их краткой истории.

Ретроспективный взгляд

В XIX и XX столетии Абхазию, которую сами абхазы, коренные жители этой земли, издревле называют Апсны — страной (землей) души, — посетили Е. Зайцевский, А. Чехов, В. Немирович-Данченко, Д. Мордовцев, А. Бестужев-Марлинский,

В. Каменский, М. Горький, Н. Тихонов, А. Толстой, Н. Асеев, К. Федин, К. Паустовский, И. Бабель, М. Булгаков, В. Соллогуб, А. Белый и другие. В последние годы события, связанные с их пребыванием в нашей стране, пополнились новыми документами и фактами. Созданные русскими писателями художественные и публицистические произведения об Абхазии — богатый и на редкость ценный пласт культуры, заслуживающий многогранного исследования. Время от времени мы обращаемся к разножанровым публикациям, проникнутым большой симпатией к нашему народу, его традициям, религии, ритуальной культуре. Лелея мысль о возвращении в нашу страну, Владимир Соллогуб мечтал вновь побывать в храмах, «которыми так богата Абхазия, и в чудных её ущельях и горах», «прислушаться к народным поверьям, где язычество смешивается с христианским учением». Он писал об этом восторженно в своих ярких путевых заметках: «Тогда я представлю не беглый путевой очерк, а целую картину страны, которой нет подобной в Европе...»

Примечательно, что творческая судьба авторов стихотворений, рассказов, повестей и поэм о нашей стране во многом перекликается с историей самой Абхазии, и прямо или косвенно связана с её переломными вехами. В произведениях

на абхазскую тему заметно стремление мастеров слова постичь таинства неувядаемой и неповторимой красоты нашей природы, древние духовные истоки народной культуры и эстетики. Я думаю, не менее привлекательна в контексте художественно-познавательных и эстетических исканий абхазская тематика в творчестве ряда русских классиков, посетивших Абхазию уже в советскую эпоху. Зарубежных авторов (писателей, путешественников, учёных, дипломатов) интересовала не только внешняя, или, образно говоря, приглаженная, фасадная сторона абхазской действительности, но в первую очередь животрепещущая история, её драма, окутанная таинственностью, быт и нравы, национальные характеры, архетипы, особенности мышления и мировидения народа. И это вполне естественно — такие редкостные проявления национальной ментальности составляют, на мой взгляд, суть и сердцевину абхазской народной философии. И вновь обратимся к истории литературных взаимосвязей, характеризующихся некоторой закономерной цикличностью. Чьими же именами отмечен процесс культурного-философского освоения, осмысления нашей страны уже в советскую эпоху, в более близкие и доступные для нашего восприятия срезы новой и новейшей истории?

***

В Абхазию начиная с 1920-х годов в творческую командировку, на отдых или в силу различных обстоятельств приезжали достаточно влиятельные творческие личности: А. Твардовский, М. Шолохов, К. Симонов, А. Фадеев, О. Мандельштам, С. Маршак, В. Шершеневич, В. Стражев, Л. Леонов, В. Шкловский, Д. Голубков, М. Шагинян, Ф. Гладков, В. Дудинцев, Р. Гамзатов, Ч. Айтматов, К. Кулиев, Ф. Искандер, В. Солоухин, М. Дудин, М. Светлов, А. Первенцев, Д. Гранин, В. Белов, В. Соколов, В. Крупин, Ф. Абрамов, А. Гребнев, В. Гроссман, В. Быков, А. Рыбаков, А. Приставкин, Е. Рейн, Г. Гулиа, Р. Рождественский, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, А. Кушнер, В. Высоцкий, Р. Казакова, М. Алигер, Ю. Мориц, О. Чухонцев, А. Дементьев, Ю. Семёнов, И. Драч, П. Мовчан, Л. Талалай, А. Адамович, И. Машбаш, А. Кешоков, Э. Радзинский, А. Парпара, Ю. Покальчук и другие.

Как видим, перечень авторов весьма внушителен и масштабен. Никого из них мы не вправе предавать забвению, потому что каждый из них отметил своё пребывание на абхазской Ривьере новыми произведениями, путевыми записками, дневниками, запоминающимися художественными образами, штрихами.

Это писатели с совершенно разным мироощущением, убеждениями, взглядами, творческой манерой, почерком, стилем, но интересно, на мой взгляд, то, что в их произведениях, посвящённых Абхазии, достаточно ощутимо некоторое, пусть даже отдалённое символическое (образно-ассоциативное) созвучие, в частности, в раскрытии национальных черт, особенностей образа жизни абхазов, характера мышления литературных персонажей. Лучшие произведения, принадлежащие перу русских или других национальных писателей, могли бы составить отличную литературную антологию и войти в фонд художественной истории нашей страны. И я бы назвал этот проект условно «Абхазия: сквозь призму творческих раздумий зарубежных писателей».

Известный кавказовед, абхазский историк, поэт, публицист Станислав Лакоба в своей книге «Крылились дни в Сухум-Кале» (Сухум, 1988), касаясь пребывания Осипа Мандельштама в Абхазии и его восприятия абхазской речи, отмечает:

«Воздушную мысль Белого о “будущей речи” более чётко определил Мандельштам.

Конечно, независимо от Белого.

Осип Мандельштам относился к абхазскому языку как к “будущей речи” человечества.

В 1930 году он был в Сухуме: “Отсюда следует начинать изучение азбуки Кавказа, здесь каждое

слово начинается на «а». Язык абхазский мощен и полногласен, но изобилует верхне- и нижнегортанными слитными звуками, затрудняющими произношение; можно сказать, что он вырывается из гортани, заросшей волосами. Боюсь, ещё не родился добрый медведь Балу, который обучит меня, как мальчика Маугли из джунглей Киплинга, прекрасному языку «абсны» — хотя в отдалённом будущем академии для изучения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару. Фонетическая руда Европы и Америки иссякает. Залежи её имеют пределы…"»

Невольно возникает вопрос: что же общего между классическим духовным наследием об Абхазии, оставленным русскими и советскими литераторами, и идеей создания пицундского Дома творчества писателей им. Д. И. Гулиа? Я думаю, что замысел проектирования подобного комплекса основывался не только на исключительной привлекательности природно-климатических условий этого живописного уголка Кавказского Причерноморья. Идея, по всей видимости, основывалась на более глубокой историко-культурной мотивации. К тому же немалый опыт работы сравнительно небольшого Дома творчества писателей в г. Гагре, функционировавшего ещё с 50-х годов прошлого столетия, сыграл, на мой взгляд,

не последнюю роль в дальнейшем осмыслении и развитии условий отдыха знаменитых советских и зарубежных писателей. Так или иначе, между гагрским и пицундским Домами творчества писателей прослеживается определённая историко-культурная взаимосвязь. И это видно по эпизодам воспоминаний некоторых маститых писателей.

«Древняя земля, приютившая человека...»

Сюда, в живописную Гагру, уголок абхазской земли, пленяющий сказочным сочетанием предгорного ландшафта и причерноморского пейзажа, в разное время приезжали известные представители национальных литературных кругов. Они погружались здесь в мир художественных исканий, работали над своими рукописями. Здесь вынашивались и ложились на письменный стол новые сочинения, завязывались контакты с абхазскими и грузинскими писателями, чьи произведения переводились на русский и другие национальные языки. Нередко отдыхавшие и работавшие в гагрском «Литфонде» авторы проводили творческие вечера и встречи с читателями. И поэтому неудивительно, что на страницах книг мастеров слова упоминаются Абхазия и один из её самых экзотичных

уголков. Судя по книге отзывов и пожеланий, хранившейся в своё время в гагрском писательском Доме, деятели литературы и искусства чувствовали себя здесь, на берегу Чёрного моря, у самого подножья величественных абхазских гор, достаточно комфортно и уютно. Музы и чарующая красота абхазской природы вдохновляли писателей, пробуждая в них сокровенные чувства и мысли, настраивали на плодотворный творческий поиск. Здесь отдыхали и углублялись в творческий процесс Р. Гамзатов, Б. Полевой, Л. Кассиль, Н. Хикмет, В. Гроссман, В. Астафьев известные писатели из Москвы, Ленинграда, Киева, Сухума и Тбилиси. Василий Гроссман в маленьком рассказе «Осенняя буря» достаточно живописно воссоздаёт картину разыгравшейся морской стихии в Гагре.

***

На мой взгляд, заслуживает определённого внимания и тот факт, что в Гагрском Доме творчества писателей в своё время отдыхал известный писатель, учёный, доктор филологических наук и доктор искусствоведения, переводчик Александр Иосифович Дейч со своей супругой, специалистом в области зарубежных литературных взаимосвязей Е. К. Дейч. Из беседы с Евгенией Кузьминичной, записанной мной 2 октября 2006 года

в пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа, я узнал, что в Гаграх произошло более близкое знакомство её мужа со многими писателями и культурными деятелями Абхазии. «К нам приезжали и Русудан (Биана) Александровна — дочь художника А. Чачба-Шервашидзе, и многолетний исследователь творчества художника Боча Аджинджал.

Биана Александровна познакомила нас с Багратом Васильевичем Шинкуба. Мы с ним очень подружились. И когда уже А. Дейч не стало, Баграт Васильевич всегда мне звонил, когда бывал в Москве...» Было бы несправедливым не отметить, какую неоценимую дипломатическую и посредническую роль сыграла Евгения Кузьминична при переносе в 1980-е годы праха великого абхазского сценографа А. К. Чачба из Монте-Карло в Сухум, где он был перезахоронен с высокими почестями.

Думаю, необходимо коснуться ещё одной темы, связанной с взаимоотношениями Александра Дейч с абхазской интеллигенцией. Курируя в Гослитиздате бывшего СССР редакцию национальных литератур, Александр Иосифович впервые стал вводить в план редсовета абхазскую литературу. «Первой книгой, — вспоминает Евгения Кузьминична, — подготовленной к изданию, была книга Михаила Лакербай, который недавно вер-

нулся из ссылки… Книга его рассказов проходила трудно. Её три раза снимали из плана. Дейч написал внутреннюю рекомендательную рецензию, и книга вышла, с её автором мы очень подружились, он у нас даже ночевал несколько ночей…» Дружба писателя и учёного А. И. Дейч с абхазской интеллигенцией имеет свою ещё более раннюю историю. В Петербурге ставились пьесы Александра Иосифовича, публиковавшегося уже с 15 лет. И как раз там он и познакомился с главным художником-декоратором Императорских театров.

Достаточно интересен и тот факт, что в гагрский Дом творчества писателей неоднократно приезжал (начиная с 1949 г.) поэт Михаил Дудин. Примечательно, что под неизгладимым впечатлением абхазской природы, знакомства с историей края, непосредственного общения с местными жителями ленинградский поэт создал цикл новых стихотворений. О том, как прошёл традиционный литературный вечер в Гаграх с участием Михаила Дудина, сообщала газета «Советская Абхазия» в номере от 11 ноября 1970 года. «Абхазия — это не только солнце и синие тёплые волны Чёрного моря, набегающие на гальку прибрежной полосы, и зелёные гребни гор, замыкающие горизонт. Абхазия — это древняя земля, приютившая человека, и в благодарность за этот приют возвеличенная и

облагороженная трудом человека», — так восторженно отзывался русский поэт о стране, сохранившей себя, свою историю, этнокультурный облик в условиях ожесточенного противоборства различных империй, огнём и мечом насаждавших здесь свои «порядки».

В советскую эпоху в гагрском «Литфонде» отдыхали и классики, и молодые члены Союза писателей СССР. В 1976 году, судя по книге В. П. Пачулиа «Русские писатели в Абхазии», здесь, в писательском Доме творчества, над романом «Ягодные места» — прозаическим произведением, дающим срез эпохи, «историю нескольких поколений во всей её многоплановости...», — работал выдающийся мастер поэтического слова Евгений Евтушенко. Здесь же рождались некоторые его знаменитые стихи. В Гагре проводил свои плодотворные творческие дни один из видных поэтов-шестидесятников Роберт Рождественский. Стал весьма популярным среди отдыхающих его экспромт, посвящённый красоте феерического гагрского прибрежья:

Хочу запомнить гул прибоя,
Оставить горы неразгаданными.
И пусть над каждою судьбою —
Такое солнце, как над Гаграми...

Позже отголоски пребывания Р. Рождественского в пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа мы услышим в стихотворении «Слушая радио...», лейтмотивом которого стало беспокойство поэта за судьбу планеты Земля:

Земля
с теплом Пицунды и Майами,
с глотком вина в гортани пастуха,
с ангарским бегом, с медленностью Вислы —
так страшно,
так немыслимо
суха,
что может вспыхнуть от случайной искры!

Думаю, не могут не заинтересовать читателя и факты, связанные с историей приезда в Гагру кумира разных поколений, знаменитого поэта, актёра, исполнителя бардовских песен Владимира Высоцкого. Журналист Элеонора Гилоян, автор интересных и увлекательных телепрограмм на тему «Высоцкий и Абхазия», рассказала корреспонденту агентства «Sputnik Абхазия», что всё «началось со съёмок фильма “Хороший плохой человек” по повести Чехова “Дуэль”, в котором Владимир Высоцкий играл одну из главных ролей...»

Агентство «Sputnik Абхазия», ссылаясь на материалы известной тележурналистки, также сообщало, что «съёмочная группа приехала доснимать в Абхазию некоторые эпизоды (большая часть фильма снята в Крыму) и столкнулась с некоторыми проблемами… Гостиница "Гагрипш", в которой должны были жить актёры, была занята. Номера отдали группе грузинского фильма "Похищение луны". И тогда житель Гагры Григорий Чепия пригласил актёров пожить у себя дома. Это общение со временем переросло в многолетнюю дружбу. В семье Чепия хранится шаль, подаренная Мариной Влади, и гитара, на которой играл Высоцкий во время своих приездов».

Было бы несправедливо не коснуться темы пребывания и плодотворной работы в Гагре, в частности в Доме творчества писателей, знаменитых братьев Стругацких (АБС). И лучше всего, несомненно, гагрский период художественных исканий популярных советских авторов описан в книге известного фантаста и публициста Анта Скаландиса:

«И вот они в Гаграх, впервые в Доме творчества, как белые люди. И работа идёт поначалу здорово. Тем более что план составлен заранее; они прекрасно знают, что будут писать — очередную повесть о прекрасном далёком будущем с

хорошо знакомыми, родными уже персонажами; правда, повесть совсем непростую, необычную, повесть глубокую, экспериментальную по языку и с гигантским подтекстом. Скучно им уже после “ТББ” и “Понедельника”, а тем более после “Хищных вещей” писать очередную “Далёкую Радугу” или “Возвращение-2”. Их повело уже совсем в иную сторону. И новая повесть, которая тогда, в первом варианте, так и не получит названия, спустя годы будет озаглавлена БН-ом “Беспокойство”. Весьма символичное название — ведь это обозначено беспокойство самих авторов и за то, что они делали, и за всё, что происходило с ними в жизни, и за всё то, что происходило вокруг них — со страной, с человечеством...» (Ант Скаландис, «Братья Стругацкие»).

Своеобразной символической связью темы гагрского Дома творчества с историей зарождения идеи пицундской базы отдыха для советских писателей может стать, на мой взгляд, достаточно занимательный рассказ Вадима Ольшевского «Как я выиграл шахматы у Кирилла Ковальджи». Забегая вперёд, скажу, что автор этой публикации — известный учёный, профессор математики, работавший в университетах Коннектикута, Тель-Авива, Мадрида и других международных научных центрах.

Повествование учёного возвращает нас в советскую эпоху, по которой мы нередко и искренне ностальгируем: «Когда я был маленьким, в классе, по-моему, первом, папу приняли в Союз писателей (речь идёт об известном поэте, прозаике Рудольфе Ольшевском). И через полгода мы поехали отдыхать в Дом творчества писателей в Гагре. По литфондовской путёвке. А до этого мы ездили на море в Сергеевку, неподалеку от Одессы. Гагру я сразу понял, она была как две капли воды похожа на Абхазию из рассказов Фазиля Искандера. Я гулял по Гагре и всё узнавал. Вот те самые эвкалипты, которые Искандер во время школьного субботника сажал методом гнездовой посадки. А вот здесь, на этой вот скамейке, юный Искандер впервые поцеловал свою красивую одноклассницу (подробное описание их поцелуя я перечитал раз сто). А через три дня, увидев, что одноклассница гуляет по набережной в сопровождении молодого военного, юный Искандер сказал ей вечером, вон под той цветущей и пахнущей магнолией: «Украденные у него поцелуи мне не нужны». Над морем нависали почти отвесные горы, и я знал, что если идти по вон той вот грунтовой дороге в ущелье, то за несколько, а может и больше, часов дойдёшь до высокогорного Чегема. А вот на этом балконе пил

кофе и играл в нарды Коля Зархиди. Единственная разница между реальной Гагрой и Искандером была в том, что почему-то нигде не было видно ни одного козлотура. Хотя Автандилов Автандиловичей вокруг было пруд пруди, в каждом ларьке. И ещё, со всех качающихся у причала катеров неслась громкая музыка из кинофильма “Крестный отец” (па-па́ па-па́-па па́-па па́-па па́-па), этого у Искандера тоже не было…».

Далее Вадим Ольшевский плавно переносит место действия своего рассказа в пицундский Дом творчества им. Д. И. Гулиа, где ему представилась счастливая возможность пообщаться (хоть и ненадолго) с любимым классиком:

«А на следующий год мы поехали отдыхать уже не в Гагру, а в Дом творчества в Пицунде. Там мы на несколько часов пересеклись с Фазилем Искандером, его номер был рядом с нашим. Мы приехали утром, а он уезжал днём. Несмотря на юный возраст, мне очень хотелось сообщить Искандеру о своей высокой оценке его творчества, но как-то не было удобного случая. Хотя дверь их номера была открыта, они паковали чемоданы…»

Из дальнейшего описания этой встречи выясняется, что Вадим не успел спокойно побеседовать с Фазилем Абдуловичем в силу того, что

тот готовился к отъезду и времени у него было в обрез… Но сам факт встречи с выдающимся писателем, судя по публикации, стал лично для В. Ольшевского примечательным событием.

«В отличие от Гагры, где я был предоставлен самому себе, в Пицунде здание Дома творчества стояло вдали от посёлка. Гулять было негде, и мне пришлось всё время быть среди взрослых. На пляже мы сидели впятером: папа, мама, я и Кирилл Ковальджи с Григорием Поженяном. Было очень интересно…» — пишет далее будущий писатель и профессор.

Весьма трогательно и эмоционально описывает незабываемые пицундские пейзажи известный литературовед и публицист Ада Ольшевская, мать математика Вадима, супруга поэта Рудольфа Ольшевского. Здесь, в пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа, семья Ольшевских предпочитала проводить дни своего отдыха и творческой работы преимущественно в летнюю пору, когда морское прибрежье раскрывалось во всей своей ослепительной роскоши:

«А дни заполнялись валянием на горячей гальке, бесконечными разговорами (компания-то из года в год съезжалась одна и та же), походами по берегу, — слева сосны, справа море, мимо нудистского пляжа, в Пицунду, в первую же кофейню

под соснами, где смешиваются запахи кофе, моря и хвои. И ещё заплывами, когда берег, отдаляясь, превращался в подкову, а люди становились не больше горошин. Мы уже не плывём, пора возвращаться. Но возвращаться не хочется, и мы стоим, выпрямившись и мелко перебирая под водой ногами. Море здесь совсем другое, чем у берега, — чистое, огромное, зеленоватое, как бывает зеленоватой толща стекла, и такое прозрачное, что можно пальцы на ногах пересчитать. Однажды Рудик даже взял с собой монетку, чтобы там, на глубине, отпустить её и посмотреть, как долго она будет видна. Я не верю, что это время исчезло, навеки кануло непонятно куда. Мне всё кажется, что оно хранится в какой-то капсуле. И мы тоже хранимся там со всей своей молодостью, доверчивостью, наивностью и глупостью. И энергия, заключённая в наших бренных оболочках, ещё не растрачена на пустяки, а сами эти оболочки ещё не подозревают о своей бренности. Как стеклянный шар, который только встряхни, как внутри него всё оживёт и посыплет, закружит снег. Снаружи может твориться всё что угодно, а там, внутри, всегда уютная и прекрасная зима. Ну а в моей капсуле, в моём стеклянном шаре — вечные август-сентябрь, вечное море, вечная жарко разнеженная Пицунда, и мы все при ней, на узкой полоске горячего пляжа…»

Все эти сюжеты и забавные истории свидетельствуют о том, что гагрский «Литфонд» за долгие годы его функционирования стал своеобразным перевалочным пунктом, подготовившим почву для зарождения в сопредельной Пицунде нового творческого комплекса для советских писателей.

Возрождение Пицунды: штрихи к истории застройки курорта

Реализация этого глобального по меркам тех времен проекта относится к началу 60-х годов прошлого столетия. Генплан был создан авторским коллективом, возглавляемым известным советским архитектором, лауреатом Ленинской премии М. В. Посохиным. С 1960 года строительством курорта Пицунда руководила заслуженный инженер Абхазии Тамара Гицба, внесшая весомый вклад в формирование архитектурного облика местности и создание инфраструктуры первоклассной по тем временам черноморской здравницы. Фактически курорт Пицунда стал полноценно функционировать с 1968 года. Что же касается Дома творчества писателей Литфонда СССР, то он вступает в строй на десять лет позже — в 1978 году. Под его

проектирование и строительство абхазское руководство выделило одно из самых престижных мест — территорию, практически прилегающую к Пицундско-Мюссерской заповедной зоне.

Особую, неповторимую красоту и экзотическую привлекательность данной местности придавала знаменитая реликтовая самшитовая роща. Известно, что драгоценная древесина абхазского самшита шла в прошлые времена на строительство кораблей и отделку ряда исторических зданий в России и в некоторых европейских государствах. Расположение Дома творчества писателей им. Д. И. Гулиа примечательно ещё и тем, что выделенная под его строительство земельная площадь занимает уникальное пространство и особую экологическую нишу между пицундским морским побережьем и микрофлорой озера Инкит. Кстати, в книге известного абхазского краеведа Вианора Пачулия даётся интересное описание данной местности: «На живописном пицундском мысу находится небольшое озеро Инкит, которое питается водами реки Бзыбь. С ним связано немало легенд и преданий… Южнее Инкита находится другое озеро — Анышхцара, которое, так же как и Инкит, было в древности соединено каналом с Чёрным морем и служило местом укрытия античных и средневековых военных и торговых судов». При выборе места под строи-

тельство нового объекта для отдыха и творчества литераторов, по всей вероятности, учитывался и тот фактор, что он будет соседствовать с другими пицундскими пансионатами, туристическая деятельность которых также отличалась своей творческой спецификой. Это такие излюбленные творческой элитой места, как пицундский Дом творчества журналистов «Правда» (ныне «Питиунт») и Дом отдыха кинематографистов СССР. Думаю, тут нелишне вспомнить, что начало строительства писательского творческого комплекса базировалось на специальном Постановлении Совета Министров Абхазской республики. Заказчиком и фондодержателем строительства был Литфонд СССР, располагавший в советский период значительными финансовыми средствами.

Правительство Абхазии оказывало значительную поддержку в осуществлении нового проекта. Исследуя тему, я обратился за фактами и дополнительной информацией к абхазской прессе того периода. Она посвятила данному вопросу ряд интересных и содержательных публикаций. Следует отметить, что пристальное внимание проблеме своевременного ввода в эксплуатацию нового объекта уделял председатель правления Литфонда СССР, известный кабардинский поэт и прозаик Алим Кешоков.

Интересен и важен, с точки зрения документалистики и истории культуры, ещё один факт. Присвоение пицундскому Дому творчества имени основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа состоялось в марте 1978 года. На торжественном открытии Дома писателей выступали представители общественности, писатели, студенты, строители. Обширная информация об этом знаковом событии публиковалась не только в местных газетах и журналах, но и в центральной советской прессе. Присвоение имени основоположника абхазской литературы крупному творческому центру и новому очагу культурного взаимодействия Абхазии и России имело глубокий смысл. У этих связей была богатая предыстория — личные творческие контакты с Дмитрием Гулиа поддерживали А. Фадеев, А. Твардовский, А. Толстой, Н. Тихонов, К. Симонов, Р. Гамзатов, К. Кулиев, Г. Табидзе, Ш. Дадиани, А. Исаакян, П. Тычина и другие видные представители национальных литератур. Историки литературы посвятили немало публикаций встречам и беседам Алана Маршала, Луи Арагона, Анри Барбюса и других зарубежных классиков с патриархом абхазской словесности. Сухумский Дом-музей Д. И. Гулиа посетил в 1986 году один из столпов английской литературы

второй половины XX в., прозаик Грэм Грин, оставивший тёплый отзыв в книге почётных посетителей знаменитого сухумского музея.

«Длинноусый и мудроглазый Дмитрий Гулиа...»

Поэт Сергей Смирнов, автор книги об Абхазии под названием «Один на один», достаточно образно описал в рассказе «Земля Апсны» историю своего визита в Абхазию и пребывания (в 1979 г.) в пицундском Доме творчества Литфонда. Процитирую наиболее впечатляющие и запоминающиеся, на мой взгляд, фрагменты:

«Машина с необычайной по московским нормам скоростью примчала меня к широкоплечему Дому-дворцу, чье многоэтажие пламенело от ранней утренней зари. Я вошёл в здание, и первым, кто встретил меня в вестибюле, был длинноусый и мудроглазый Дмитрий Гулиа. Он смотрел с огромного портрета и всем своим видом выражал памятное мне “Добро пожаловать!”»

Далее, процитировав свои собственные стихи о патриархе поэтов, «как мудрость мира смотрящем на него», С. Смирнов на высокой эмоциональной ноте заметил: «На высоком этаже, обращённом одновременно к морю и полукружию

гор, обрёл я в этом именном поэтическом Доме просторную комнату и с первого же утра встретил на балконе восход солнца...»

«Воспоминания о Пицунде, как яркие и пёстрые слайды...»

Летопись Дома писателей, как отмечено выше, весьма многообразна, сюжеты насыщены интересной информацией, личными впечатлениями тех или иных литераторов, когда-либо переступавших порог пансионата. Так, в частности, воспоминаниями о пицундском Доме творчества литераторов делится поэт, переводчик Ирина Гинзбург-Журбина: «Помню, как я, Наташа и Серёжа вместе в четырёхместном купе плелись двое суток по дороге из Москвы в Пицунду, где только-только открылся новехонький, шикарный, с иголочки писательский Дом творчества, который почему-то сразу, ещё из московского далёка, нарекли "Литфондом". Папа, провожая меня на вокзале, попросил Серёжу обо мне позаботиться, но в этом и не было нужды. Рядом с ним я всегда чувствовала себя в безопасности. Мы пили коньяк из крошечных, похожих на наперсток, серебряных рюмочек, что составляли набор с такой же серебряной фля-

гой, доставшейся Серёже (речь идёт о знаменитом переводчике-испанисте Сергее Гончаренко — *В. З.*) от его отца, которого он бесконечно любил». В воспоминаниях поэта и переводчика, на мой взгляд, достаточно свободно и занимательно описана атмосфера Дома творчества. И. Гинзбург-Журбина коснулась также некоторых подробностей жизни литературных знаменитостей, местом встреч и свободного общения которых теперь стала благословенная Пицунда.

«В Пицунде в тот бархатный сезон был слёт самых знаменитых людей. На открытие Дома творчества в 1977 году съехался весь цвет литературы СССР. Назову лишь немногих: Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, братья Вайнеры, Генрих Боровик, Фазиль Искандер и даже знаменитый кубинский поэт — милейший Элисео Диего, что попал в эту шумную писательскую тусовку, на этот праздник жизни, как кур в ощип. В отличие от всех отдыхающих, он почти никогда не выходил на пляж. На Кубе ему так осточертел вид на океан, что он целыми днями просиживал на берегу мелководного озера Инкит и смотрел на зелёные пицундские горы. Общение с испанистом Гончаренко, который переводил его стихи на русский язык, было для него единственной отдушиной… От той счастливой поры осталось множество фо-

тографий. Вот мы вчетвером на озере Рица. А вот мы в обнимку под пальмами вплываем навстречу осенней Москве… В Пицунду мы приехали вместе снова лет через пять. Серёжа тогда только-только начал переводить Леона де Грейфа — поэта, в котором он с восторгом находил своё alter ego и обретал самого себя. Ведь неслучайно даже Серёжин адрес в Интернете начинался словом «грейф». Помню, что тогда в Пицунде я написала в стихотворении, что счастливые воспоминания о той поре останутся в сердце, как яркие и пестрые слайды…»

Вот какими редкостными и броскими штрихами поэт-переводчик характеризует атмосферу первых дней пребывания писателей в их новом творческом центре.

«Море, конечно, не свобода, а лишь символ свободы…»

Вскоре Дом писателей, открывавший новые страницы в истории литературных взаимосвязей, становится одним из самых популярных и обживаемых мест отдыха творческой интеллигенции, видных представителей литературы и искусства

республик бывшего СССР и дальнего зарубежья. В числе первых писателей, посетивших пицундский Дом творчества, был выдающийся прозаик, фронтовой корреспондент газеты «Красная Звезда», автор романа-эпопеи «Жизнь и судьба» Василий Гроссман, в своё время испытавший на себе все «прелести» политической цензуры.

Вспоминая о днях, проведённых в пицундском «Литфонде», он отмечал: «Море, конечно, не свобода, а лишь символ свободы, но как же прекрасна сама свобода, если даже напоминание о ней делает человека счастливым».

Следует отметить, что Василий Гроссман ещё в 1956 году посетил Абхазию вместе с поэтом, переводчиком Семёном Липкиным, о чём свидетельствует фотоснимок, запечатлевший их встречу с Б. В. Шинкуба в Сухуме. А в великолепном рассказе «Из окна автобуса», созданном В. Гроссманом в 1960–1961 годах, абхазская тематика передана не только в литературном, но и в интересном историко-этнографическом ракурсе: «Время от времени автобус останавливался, и Иван Петрович, экскурсовод, негромко, словно боясь помешать кому-то в горах, рассказывал о геологической истории абхазской земли, о первых древнейших поселениях людей. Участники экскурсии спрашивали Ивана Петровича о множестве вещей — он рассказывал и

о нравах горной форели, и о храмах шестого века, и о проекте горной электростанции, и о партизанах времён гражданской войны, об альпийской растительности, о бортничестве и овцеводстве…»

В книге Ф. Губера о Василий Гроссмане («Память и письма») процитированы дневниковые заметки автора романа «Жизнь и судьба» (датированные 21 апреля 1956 г.):

«Вчера мы провели замечательный день, нас повезли на машине в Новый Афон и Гудауту, а затем в глубь Абхазии, в горы. Там в селении, красоту которого невозможно описать, крестьяне устроили пир. В нём участвовало человек 40… Тосты сопровождаются хоровым пением, пляской, и когда ты пьёшь в чью-либо честь, хор тянет стройную и протяжную мелодию до тех пор, пока ты не отнимешь пустой стакан от губ… Вино было изумительно хорошо, я такого в жизни не пил, — мягкое, нежное и такое душистое, что даже мой жалкий нос различал его запах…»

В числе признанных мастеров слова, создававших свои лучшие произведения в пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа — видный представитель русского авангарда конца прошлого столетия Анатолий Ким.

На встрече с сухумцами в «Доме Москвы» (2021 г.) он говорил о том, что именно Фазиль Ис-

кандер научил его «писать весело и свободно…».

«Фазиль научил меня и многих молодых писателей того времени быть свободными и говорить с юмором о недостатках и достоинствах, как своих, так и чужих»… Писатель рассказал о том, что Абхазия оставила в его творчестве заметный след. «Первый роман, который сделал меня знаменитым, называется “Белка”. Одну из частей этого романа я написал в Абхазии, в Пицунде. По сюжету романа, дельфин из Пицундского залива вышел на сушу и попал в Москву, где он сделал головокружительную карьеру, в конце во всем разочаровался, нырнул в реку и через Дон вернулся обратно в Пицундский залив» («Апсны-пресс». 16 октября 2020 г. Д. Басария).

В телевизионной беседе с известным общественным деятелем, историком, внуком Баграта Шинкуба Леуаном Микаа на сухумском телеканале «Апсны-хабар» Анатолий Ким выразил своё восхищение философскими взглядами Мурата Ягана (Маан) — выдающегося представителя абхазской зарубежной диаспоры, основоположника учения «Аамста Кябзе» — синтеза «элементов суфизма и христианства» (концепции соотношения духа и воли).

Мне, как переводчику духовной автобиографии Мурата Ягана на абхазский язык, факт

глубокого философского вхождения А. Кима в таинственный мир самопознания абхазского писателя-суфиста стал очень интересным и ценным дополнением к информации о нём. Однако, судя по воспоминаниям А. Кима, его знакомство с Абхазией началось с Пицунды.

***

Хронику событий, связанных с жизнью Дома творчества Литфонда в Пицунде, обогатила также не до конца ещё изученная история пребывания в нём Виктора Шкловского, одного из столпов русского советского кинематографа, литературоведа, эссеиста, автора бесценных «Повестей о прозе». Вот что пишет об этом Э. Радзинский в книге «Сталин»: «Начало 80-х. Я сижу на пляже в Пицунде, рядом — Виктор Борисович Шкловский, великий теоретик левого искусства, друг Маяковского. Он абсолютно лыс. На пицундском солнце блестит продолговатая голова. Впрочем, и в двадцать лет он был такой же — совершенно лысый… Всё моё детство прошло под знаком Виктора Борисовича, с которым отец сочинял сценарии. Только потом я узнал, что Шкловский был главным создателем теорий великого Авангарда 20-х годов. Сверкающий купол его головы маячил на всех знаменитых диспутах. Теперь ему девяносто лет. Он остался

один — все участники тех диспутов давно лежат в могилах, чаще в безвестных, расстрелянные в дни сталинского террора…».

Замечу, что Виктор Шкловский дружил с выдающимся абхазским новеллистом и киносценаристом Михаилом Лакербай, которого приняли на работу на кинофабрику «Восток-Кино» по рекомендации Шолохова и Шкловского. При их же поддержке абхазский писатель был принят в Союз писателей СССР.

А вот ещё один факт, пополняющий пицундскую литературную хронику. В 1978 году в пицундском Доме творчества писателей со своей супругой отдыхал и работал над новыми произведениями известный кубинский прозаик, рассказчик, новеллист, секретарь Союза писателей и художников Кубы Хорхе Онелио Кардосо, удостоенный ещё в 1945 году государственной премии за рассказ «Угольщики». Исследователи творчества кубинского писателя отмечали, что для его рассказов характерна «разговорная интонация, юмор и любовь к людям труда» (С. П. Мамонтов). Накануне творческой командировки кубинского писателя в Абхазию в Москве, в издательстве «Художественная литература», вышел в свет сборник его рассказов в переводе на русский язык. Национальная (республиканская) газета

«Апсны Капш» сообщала о пребывании Хорхе Онелио Кардосо в Пицунде и опубликовала фотографию писателя с супругой. Кубинский прозаик рассказал автору этих строк, работавшему тогда корреспондентом вышеупомянутой газеты, о личных впечатлениях от встреч с абхазскими крестьянами. Чувствовалось, что гость Абхазии не замыкался в пространстве своего рабочего кабинета и территории писательского пансионата: он был восхищён природной мудростью и остроумием абхазских старцев, с которыми ему удалось вживую пообщаться в деревнях.

Думаю, крайне важна и другая недостаточно исследованная грань творческого взаимодействия писателей. Здесь, именно в Доме писателей, открылись новые возможности для широкого обсуждения проблем развития литературных жанров, оценки тенденций формирования различных стилевых литературно-художественных направлений. Так, в 1979 году в пицундском Доме творчества прошёл семинар по драматургии под руководством известного драматурга, прозаика, сценариста, главного редактора издательства «Даниловский благовестник» В. Малягина.

Об обстоятельствах прохождения ещё одного творческого семинара повествует в своём рассказе писатель Валерий Хайрюзов. В его воспомина-

ниях читатель найдёт много доброго юмора, занимательные сюжеты, рождавшиеся в атмосфере истинно творческого дружелюбия.

«…Весной восемьдесят третьего года меня вновь пригласили на совещание. На этот раз в Пицунду. Сбор в Абхазии на берегу Чёрного моря организовали заведующий отделом культуры Центрального комитета комсомола Михаил Кизилов вместе с ответственным секретарём по работе с молодыми писателями Юрием Александровичем Лопусовым. Они решили сделать ставку на молодых, отмеченных на седьмом совещании писателей, которые, по их мнению, представляли новую волну в отечественной литературе. В Дом творчества мы добирались с моим университетским другом красноярцем Олегом Пащенко…»

Далее автор публикации «О том, какие это были дни» (25 января 2010 г.), посвящённой 80-летию Светланы Ганичевой, погружает нас в атмосферу литературного форума, в кулуарах которого происходило немало не менее интересных встреч и «посиделок».

«В Пицунде нас встретили уже знакомые по прежним встречам Андрей Скалон, Валера Исаев, Станислав Рыбас, Юрий Гречко, Анатолий Пшеничный, Михаил Зайцев, Михаил Андреев, Юрий Сергеев, Сергей Алексеев, Юрий Лопусов и Миха-

ил Кизилов. Утром нас собрал Лопусов и взволнованным голосом сказал, что ему только что позвонил сухумский поэт Виталий Шария и сообщил: к нам на семинар из Адлера на машине первого секретаря Абхазии везут Валерия Николаевича Ганичева. Что ж, Юра Лопусов хорошо знал, кто и на чём должен ездить. В то время для многих писателей Ганичев был небожителем, до которого из провинции было трудно дотянуться. Все пишущие знали, что в последнее время Ганичев занимает пост главного редактора "Роман-газеты", и многие писатели хотели познакомиться с ним в надежде попасть на страницы популярного издания, выходившего тогда огромным тиражом...»

Прозаик и публицист Виталий Шария вспоминает...

Известный абхазский журналист, прозаик, главный редактор газеты «Эхо Абхазии», лауреат Международной литературной премии им. Фазиля Искандера, безвременно покинувший нас Виталий Шария, воспроизводя в памяти некоторые интересные детали тех давних событий, рассказывал:

«Всесоюзный семинар в Доме творчества Литфонда СССР в Пицунде, о котором рассказы-

вает в своих воспоминаниях Валерий Хайрюзов, проходил с 14 по 22 мая 1983 года и назывался "Молодой писатель и Продовольственная программа". Название это вызывало улыбки даже в те глубоко советские времена; сужу по тому, что, попав спустя год с небольшим на Восьмое Всесоюзное совещание молодых писателей в Москве, я упомянул об участии в том семинаре, представляясь в нашей секции, и увидел, как оно позабавило её руководителя — маститого прозаика. Да, такова была тогда жизнь: чтобы задуманное мероприятие было одобрено, желательно было "пристегнуть" к нему что-то из текущей политики партии… Но, во-первых, тематика наших занятий на том семинаре выходила далеко за рамки агропрома, а во-вторых, главное на нём было совсем в другом — в "роскоши человеческого общения" с молодыми собратьями по перу, съехавшимися со всего необъятного Союза…»

Далее В. Шария, комментируя кое-какие эпизоды, затронутые В. Хайрюзовым, обращается и к своим личным дневниковым записям: «Многие из участников семинара впервые попали на побережье Чёрного моря и просто "балдели" от увиденного вокруг (при том, что летний курортный сезон ещё не начался) плюс той атмосферы, которая царила на семинаре. Как признался мне один из

них: “Я будто попал в страну счастья”. Сперва меня немного сбила с толку фраза из воспоминаний Валерия Хайрюзова: “Утром нас собрал Лопусов и взволнованным голосом сказал, что ему только что позвонил сухумский поэт Виталий Шария и сообщил: к нам на семинар из Адлера на машине первого секретаря Абхазии везут Валерия Николаевича Ганичева”. Ну, то, что он записал меня в поэты, хотя в стихотворной форме у меня за всю жизнь было только несколько пародий на стихи сухумского поэта Эдуарда Дзыба, — ладно; но откуда я мог звонить, если находился там, в “Литфонде”, среди участников семинара? Потом вспомнилось, и это подтвердили записи в личном дневнике, в который заглянул: сколько заранее ни упрашивал я отпустить меня на семинар тогдашнего редактора газеты “Советская Абхазия”, где я работал, Андрея Ермашкевича, сколько ни заготовил заранее рукописей для публикаций впрок, он всё равно отпустил только с условием, что буду приезжать из Пицунды дежурить по номеру. Видно, в Сухуме я и узнал про приезд Ганичева и позвонил из редакции в номер Лопусову… Кстати, в Сухум со мной из Пицунды поехал и прозаик, автор уже изданного к тому времени романа Юрий Сергеев, с которым мы подружились на семинаре и которому очень хотелось побывать в столице Абхазии. Позднее и

я гостил у него в Северной Осетии… Запомнился пикник на берегу горной речки, который организовал для участников семинара Союз писателей Абхазии. Как выразился Юрий Лопусов, “на берегу по-абхазски деликатной речки, которая шумом своих волн не заглушает наши тосты”. Помнится, заправским тамадой на том застолье был уже маститый к тому времени прозаик Святослав Рыбас. Помнится, как оторвавшись от мангала, абхазский поэт Геннадий Аламиа подошёл к столу и произнёс что-то глубокое и проникновенное…»

***

Семинаром руководили завотделом ЦК ВЛКСМ Михаил Кизилов и ответственный секретарь по работе с молодыми писателями СП Юрий Лопусов. Завершая свой краткий экскурс в историю пицундских литературных встреч, Виталий Шария делится в общих чертах личными впечатлениями о людях, принимавших в них участие: «Что в связи с этим хочется сказать? Мы привыкли к изображению партийно-комсомольско-литературного начальства, в том числе и в воспоминаниях писателей, как душителей свободы творчества, идеологически зашоренных цензоров. Во многом, конечно, так и было. Но во все эпохи и во всех сферах живут и работают разные люди. Вот

эти были полной противоположностью описанной “когорты”. Когда участники семинара разъезжались из Пицунды, многие обменялись адресами, по которым потом высылались выходившие у них книжки. Приезжал я в “Литфонд” в советские времена и помимо того семинара. Запомнилось, как резко отличался его пляж от пляжей соседних здравниц — тем, что на нём было трудно увидеть просто так лежащих и загорающих: почти все там читали книги. Не говорю уже о количестве мастеров литературы на каждый квадратный метр того пляжа!..»

***

Однако вновь вернёмся к рассказу Валерия Хайрюзова. Поделившись с читателями приятными впечатлениями от долгого и доброжелательного общения с Ганичевым в его же номере в присутствии жены писателя Светланы Фёдоровны, Валерий возвращает нас к закулисным страницам пицундского семинара: «Вечером, после споров и разговоров в конференц-зале, мы собирались у входа в Дом творчества. Толя Пшеничный приносил гитару, и мы вместе с отдыхающими пели “В нашу гавань заходили корабли”. По нашей просьбе на бис Толя виртуозно исполнял незнакомую многим, но, как говорил он, модную в Европе пес-

ню “Эммануэль”. Мы ему верили, так как Толя работал советником нашего посольства в Бельгии. Но чаще всего почему-то пели песню Остапа Бендера из фильма “Двенадцать стульев”, которую исполнял Арчил Гомиашвили:

Где среди пампасов бегают бизоны,
А над баобабами закаты, словно кровь,
Жил пират угрюмый в дебрях Амазонки,
Жил пират, не верящий в любовь.

Но любовь, обыкновенная, курортная, прохаживалась по аллеям, выискивая свои новые жертвы. И находила! Когда Пицунду накрывала тёмная южная ночь, наша писательская компания разделялась: одни шли на танцплощадку к отдыхающим в Доме творчества “шахтёркам” с Донбасса, а мы с Юрием Лопусовым, Олегом Пащенко, Андреем Скалоном и Валерой Исаевым поднимались в комнату к Ганичевым и там уже под руководством Светланы Фёдоровны, разогретые южным солнцем и абхазским вином, чуть ли не до утра пели комсомольские песни:

Хорошо над Москвою-рекой
Услыхать соловья на рассвете,
Только нам по душе непокой —

Мы сурового времени дети…

Думаю, все эти события, несмотря на свою кажущуюся второстепенность, имеют определённую ценность для истории литературных взаимосвязей и творческого процесса в целом. И происходили они именно в Пицунде, в Доме творчества им. Д. И. Гулиа.

«Я буду помнить о Пицунде…»

В числе тех, с кем меня сблизил пицундский «Литфонд», — поэт, переводчик, драматург, президент Фонда им. М. Ю. Лермонтова Анатолий Парпара. Он приезжал сюда, если не ошибаюсь, в конце 70-х и середине 80-х. Был восхищён пицундским пейзажем, и посвятил ему, насколько помню, немало пронзительных строк. С удовольствием откликался на наши с Алексеем Гогуа предложения провести время с нами, отведать абхазских вкусностей, определить дегустационные качества абхазской изабеллы. Понятно, что эти застолья и кофепития как бы спонтанно перерастали в философские беседы. На мои намёки съездить куда-либо в деревню реагировал достаточно живо и импульсивно. Помню, я пригласил московского поэта на Золо-

той Берег (Мгудзырхуа) в гости к своему тестю Тачу Пилия. Мы с Толей долго соперничали в застольном красноречии. Выпили по абхазским меркам немало. Но почему-то мне захотелось завершить церемониал обмена тостами в винохранилище, где бочки, полные шипучего красного вина, были расставлены с учётом их водоизмещения. Я достал вино из самой объёмистой бочки по подсказке гостеприимного хозяина, и в этот момент Анатолий Парпара подал идею выпить вино из абхазского глиняного кувшина, как из братины (резного ковша с двумя ручками), передавая сосуд по кругу по старославянскому обряду. Я не буду писать здесь о последствиях (лично для меня) такого безудержного бражничества… Но всё это живые, реальные ответвления старой литфондовской «саги»…

Недавно я прочитал в газете «Слово» (29.10.2010) воспоминания Марианны Соколовой-Роговской в связи с 70-летием А. Парпары. Решил поделиться отдельным фрагментом, напомнившим мне про отшумевшие пицундские страсти:

«Вспоминаю целый ряд ярких, весёлых картинок, связанных с Толей, приятных застолий, тёплых бесед. И вот одна из таких картин — Пицунда. Это солнечные южные дни. Это период,

когда многие ставили себе запрет на алкоголь, и в том числе Владимир Николаевич Соколов. Он не очень был доволен этим. Но в одно прекрасное утро он проснулся, сел за стол и быстренько написал маленькое стихотворение. Прочёл его мне. Вот оно:

Не о далеком Трапезунде,
Где чьи-то трапезы во мгле, —
Я буду помнить о Пицунде,
О нашем праздничном столе.

Где в честь и прадедов, и внуков
Шиповник пили мы с утра.
И ты, и я, и Дмитрий Жуков,
И Анатолий Парпара...

В 2005 году мы встретились с моим другом Анатолием в Москве, в старой гостинице «Варшава». Он подписал мне своё собрание сочинений в 4 томах. Приятной неожиданностью стало для меня, что в третий том он включил отрывок из лирической поэмы Ивана Тарба «Зори моего села» и моё стихотворение «Полёт» (в его переводе). По истечении 20 лет слова моего друга, выведенные чуть размашистым почерком на титульном листе

книги, приобрели особую ценность и притягательность: «Брату моему по мечте и поэзии в память о нашей пышноволосой молодости, о Пицунде, о друзьях беспечных; о зрелости нашей, в которой сердца оплавились от огня жестокости, но не стали жестокими...»

***

Многоголосая пицундская антология была бы неполной, если бы в неё не вошли трогательные строки из стихотворения «Пицунда» классика Владимира Соколова:

Простая добытая строчка,
Упавшая на берегу,
Терзала меня в одиночку —
Ищу, а найти не могу.

Глазастые камни моргали
На вытянутом берегу.
Дельфины уже помогали,
А я всё найти не могу...
Искал и искал эту строчку
И в море, и на берегу.
Но время поставило точку:
— Я жить без тебя не могу...

1979 г.

«В диких лесах Пицунды...»

Отмечены замечательными стихами «В диких лесах Пицунды» дни пребывания в Пицунде поэта незаурядного дарования Евгения Рейна, который был лично знаком с Ф. Искандером, М. Ласуриа, А. Гогуа, Т. Аджба и другими видными абхазскими писателями. В стихах поэта, где ассоциативные образы планетарного масштаба представлены в игриво-гротескном стиле, строки о Пицунде выделяются достаточно броскими мазками, интересными метафорическими сцеплениями:

Мне снится бледно-синий сон
Про дикие леса Пицунды...

Стихотворению предпослан эпиграф «И тогда разбойникам пришлось спрятаться в диких лесах Пицунды...» (из записок Дюма-отца).

Под новогодний перезвон
Мне снится бледно-синий сон
Про дикие леса Пицунды.
Здесь побывал Дюма-отец,
Настиг злодеев наконец,
Но мы с тобой не так преступны.
Пойдём, дружок, поговорим,
И нам безумный караим

Продаст вина на шесть копеек.
Ну, что там Лондон и Милан,
Где ты транжирила карман
Среди всесветных неумеек?
Послушай, лучшая вдова,
Все справедливые слова
Про полновесную Венеру.
Тебя и силой не свалить,
Но хочется тебя любить
И перенять твою манеру.
Бушует черноморский вал,
Лютует мировой аврал
От Жмеринки до старых Бруксов,
Но ты крепка, стальная плоть,
Прикрой меня сегодня хоть,
Покуда масло тлеет в буксах.
Прожектор на твоем лице,
И всё находится в конце…
Укроемся в лесах Пицунды!
Затеем плутовской роман,
Запрячем в чаще шарабан
И будем, в общем, неподсудны.
Как пахнут амбра и «Шанель»,
Когда выходишь на панель,
Авантюристка и беглянка,
Целую локоть твой крутой,
Дышу твоею красотой
И смазкою родного танка.
О, не сердись! Я прикипел,

Но знаю наш водораздел
И то, что я тебе не нужен.
И, впрочем, слышишь этот звон?
Звонят в «Литфонде», кончен сон…

Думаю, следует обратить внимание ещё на одну деталь, важную как в художественном, так и в историко-документальном плане: стихотворение «Из Абхазии», созданное Е. Рейном предположительно в дни пребывания в Пицунде, в «Литфонде», и опубликованное в журнале «Белый Флаг», было прочитано им в Москве на творческом юбилейном вечере, посвящённом его же 75-летию (29 декабря 2010 г., музей-квартира А. С. Пушкина на Старом Арбате).

«Стихотворение “Из Абхазии”… Оно связано с распадом нашей великой, но ужасной империи, великой, но ужасной…» (Евгений Рейн).

Долгий волны набег,
Большой Медведицы ковш,
Нам суждены навек,
Как неразменный грош.
Там, где небесный край
Сходится с краем морским,
— Бедный Бахчисарай,
Берег, Россия, Крым.

Сердце туда летит,
Память туда плывёт,
Меж известковых плит
Майский цветок живёт.
Дай мне забвенья, мак,
Опиум дней и лет,
И я зажму в кулак
Золотоносный бред.

И далее ещё более смелое, яркое, мифопоэтическое восприятие мирового хаоса, приобретающего в творческом воображении поэта черты мрачной безысходности:

Через Эвксинский Понт
На корабле «Арго»
Я перекину фронт
Времени самого.
Звёзды уйдут на дно,
А мертвецы всплывут,
Цепь разорвёт звено
Наших державных пут.
Ибо для всех, кто жив,
Есть лишь один исход,
Хуже, когда обрыв,
Лучше — могила вод.

Под впечатлением пребывания в Пицунде написано также стихотворение Е. Рейна «На Инките». Со свойственной его стилю парадоксальностью поэт вплетает в художественную ткань стиха, навеянного, казалось бы, обыденными бытовыми реалиями, неожиданные рассуждения о глобализации:

За «Литфондом» на Инките тихо,
Полное собрание руин,
Шелестит осенняя гречиха
Да торгует чачей магазин.
Ставит кошелёк турецкий сейнер,
Мандарины падают в траву,
Местного футбола бывший тренер
Здесь один остался на плаву.
В здании пицундского райкома
Он завёл убогий ресторан,
Где живёт, не покидая дома,
Обречённый, жертвенный баран.
Между «Лыхны» и восточным кофе
Я хотел бы выкупить его,
Потому что мне не надо крови
И вообще на свете ничего.
Только бы глядеть на эти волны,
Смешивая чистый алкоголь,

Только бы гудеть под эти войны
И на эти раны сыпать соль.
В пламени закатного пожара
Всё уже на свете сожжено,
На другом конце земного шара
Нам ещё увидеть суждено,
Как нищают лучшие победы,
Как народы начинают бой,
Как авианосцы и торпеды
Делят эту жизнь между собой…

(Е. Рейн. Память о путешествии: Избранное нового века. Москва: ГАЛАРТ, 2011. С. 82–83, 85)

Я помню, с каким глубоким переживанием и с каким душевным трепетом, волнением, с какой болью Евгений Рейн читал в Москве, в Центральном доме литераторов, на 75-летнем юбилее Фазиля Искандера стихи, посвящённые памяти своего друга, абхазского поэта Таифа Аджба, ставшего невинной жертвой грузинского оккупационного режима (1992–1993 гг.). Судя по духу, пафосу и сюжету прочитанного в Москве стихотворения (элегии), Е. Рейн познакомился с Т. Аджба в Доме творчества писателей в Пицунде. И можно было понять состояние поэта, дерзнувшего выразить

личное отношение к трагической судьбе своего собрата по перу.

С большой симпатией и благоговением пишет Евгений Рейн ещё об одном абхазском авторе, с которым его свела судьба в дни пребывания в Абхазии (предположительно — в середине 80-х):

«Даур Зантария — один из самых одарённых людей, встреченных мною в жизни. Мягкий, доброжелательный, милый, он был открыт всему талантливому и в русской, и в абхазской литературе. Ещё до того, как я прочёл стихи и прозу Даура, мне был подарен случай, скрепивший наши отношения. В Абхазии я попал в дом Даура на застолье. Поздним вечером на берегу моря он читал мне свои стихи. Я сразу понял — передо мной поэт...»

Таким образом, Евгений Рейн, поэт с весьма субъективным (ассоциативным) мироощущением, мастер, которого Иосиф Бродский называл своим учителем, оставил свой заметный след в пицундской неповторимой литературной мозаике.

«Но нет убыхов здесь и мёртв язык-изгнанник...»
(Абхазия и Пицунда в жизни Беллы Ахмадулиной)

Вышеупомянутая строка проходит лейтмотивом одного из стихотворений поэта, посвящённого осмыслению трагической судьбы целого народа — самоотверженного, стойкого, славившегося своими великими традициями, обычаями, культурой, и оказавшегося, в результате беспощадной русско-кавказской войны, между молотом и наковальней:

Счастливец вновь спешит страданья
раздобыть.
В избытке райских кущ он хочет быть
в убытке.
Придрался вот к чему и вот чего забыть
Не хочет, говорит: я здесь — а где убыхи?

Нет, вовсе не курорт названье этих мест.
Край этот милосерд, но я в нём только
странник.
Гость родины чужой, о горе мне, я — есмь,
Но нет убыхов здесь и мёртв язык-изгнанник...

Для того чтобы проявить такое глубокое сочувствие и сострадание к судьбе убыхов, к их древнему реликтовому языку, образно и метафорично

охарактеризованному Беллой Ахмадулиной как «язык-изгнанник», надо было тонко разбираться в перипетиях истории Абхазии и всего многоголосого Кавказа. И автор стихотворения, безусловно, знала о суровых превратностях тех страшных событий. Да, в ряде стихов Беллы Ахатовны как бы вторым планом проходят мысли о грузино-абхазских духовных взаимосвязях, ощутима некая примиренческая тональность, но, увы, теперь, на мрачном фоне кровавой вакханалии 1992–1993 гг., они воспринимаются лишь как отголоски довоенной, не менее напряжённой истории. В то же время абхазская тематика, раздумья об Абхазии занимают своё достойное место в творчестве поэтессы, проводившей немало времени за письменным столом и в оживленных беседах с друзьями в Гагре, Гулрыпше, Пицунде и других уголках абхазского Причерноморья. Поклонники её исповедальной, взволнованной лирики помнят стихотворения «Пришелец. Этих мест название: курорт…», «Абхазские похороны», «Гагра: кафе “Рица”», «Как холодно в Эшере и как строго», «Подпись на книге. Фазилю Искандеру» и ряд других вещей, в том числе рассказов.

Белла Ахмадулина блестяще перевела на русский язык немало философских стихов Баграта Шинкуба. Среди них такие поэтические шедев-

ры, как «Слово», «Слышу голос…», «Как я желал осилить перевал!..». Баграт Васильевич в своих дневниках тепло вспоминает моменты общения с замечательной поэтессой, в основном эти воспоминания связаны с периодом её работы над переводами его вещей, её погружением в мир художественного постижения произведений абхазского классика.

Один из ведущих абхазских прозаиков Алексей Гогуа был однокурсником Беллы Ахмадулиной в Литинституте.

«…В институте заочно учился и Евгений Евтушенко, тогда его уже все знали как поэта, они обручились с Ахмадулиной и должны были приехать в Абхазию…» — делится воспоминаниями Алексей Ночевич в интервью редактору агентства «Sputnik Абхазия» Б. Авидзба. «Ахмадулина и Евтушенко в 1954 году вместе приехали в Сухум в медовый месяц. Они всё лето прожили на квартире Алексея Ласуриа (очень талантливого и известного абхазского поэта — *В. З.*). Тогда я и познакомил их с абхазскими поэтами…» — рассказывает А. Гогуа. Эта тема ещё более детально раскрыта в интервью и беседах народного поэта Абхазии М. Ласуриа.

Из истории этих личных взаимосвязей вытекает мысль о том, что Белла Ахмадулина знала абхазскую культуру не поверхностно, а изнутри, а

её личная дружба с Фазилем Искандером, события, связанные с нашумевшим в советскую эпоху сборником «Метрополь», насыщают и обогащают историю литературных взаимосвязей новыми, пока ещё не до конца исследованными нюансами. Разумеется, не последнюю роль во всём этом сыграл пицундский «Литфонд», где поэтесса-шестидесятница работала над своими новыми поэтическими сборниками. Я помню, как красиво, проникновенно и артистично читала Белла Ахатовна свои стихотворения в переполненном до отказа конференц-зале пицундского Дома творчества. Было это где-то в середине 80-х. Помню, как она весьма аристократично отреагировала на моё приглашение на скромные хлеб-соль в обычном номере пансионата, где я жил и работал. Вместе с ней ко мне в гости пришли Фазиль Искандер и Шота Чкадуа. Сидели до поздней ночи, читали стихи. Пили чачу моего тестя Т. Е. Пилия, — вторичной перегонки, закусывали копчёными перепелками (его же производства). Судя по тому, как классики изящно и по-рыцарски опрокидывали свои рюмки, наша чача произвела на них глубокое впечатление. Фазиль, произнося тост за меня, заметил, что я чем-то напоминаю своего тёзку, декабриста Владимира Одоевского. Мне такое сравнение польстило, правда, чуть смутило то, что Одоевский

был князем, а я — простой тамышский крестьянин. На второй день, перед завтраком, Белла Ахатовна спрашивала: не осталось ли у меня ещё немного такой же чачи?

Творческие семинары «в позднебрежневскую эпоху...»

В начале 80-х здесь, в Пицунде, в Доме творчества писателей, проходили международные симпозиумы (семинары), посвящённые проблемам художественного перевода. Их инициатор — Отар Нодия, выпускник Академии общественных наук, государственный деятель, сумевший создать солидную переводческую коллегию (своеобразный Институт художественного перевода), к работе которой были приобщены многие известные писатели, литературоведы и переводчики мирового уровня. На фоне сохранявшейся идеологизации литературы и искусства это была маленькая отдушина, разрядка для писателей и переводчиков, свободный обмен мнениями для которых был превыше всего.

Интересную оценку тем событиям дала известный критик, литературовед, публицист и эссеист Наталия Иванова: «В те времена, когда ещё

отцветала позднебрежневская эпоха, впоследствии неточно названная “застоем”, на благословенный колхидский берег ежегодно съезжались — по приглашению Главной редакции по переводу и взаимосвязям между литературами при Совмине Грузии и редакции журнала “Литературная Грузия” — прозаики, поэты и критики Грузии и Абхазии в компании русских, украинских, эстонских, казахских… (список можно продолжить) коллег, всего человек тридцать, не более. “В глухой провинции у моря” разговаривали несравненно свободнее, чем в имперском центре: тон и дух были более чем неофициальные… Из Киева приезжали Павло Мовчан, Вадим Скуратовский, из Таллина — Аксель Тамм, из Казахстана — Мурад Ауэзов, из Еревана — Левон Мкртчян, из Баку — Илья Дадашидзе, из Москвы — Олег Чухонцев, Андрей Битов, Алла Латынина и Алла Марченко, Булат Окуджава, Евгений Рейн, Татьяна Бек, Галина Корнилова, Владимир Лакшин, из Литвы — Альгимантас Бучис, автор нескольких книг о литовской и “многонациональной советской” литературе… Последний семинар состоялся году в 1986-м…»

Думаю, для полноты информации следует добавить, что в этих семинарах, носивших преимущественно дискуссионный характер, принимали участие известные абхазские писатели, переводчики

Алексей Гогуа, Николай Квициниа, Денис Чачхалиа, другие авторы, в том числе и я. Свой заметный вклад в реализацию проекта вносила сотрудница Главной редколлегии по художественному переводу, её координатор Анико Цвинариа-Абрамишвили, изначально поддерживавшая тесные творческие контакты с абхазской интеллигенцией.

Достаточно оригинальный и смелый взгляд на тенденции развития культуры той эпохи высказывал на пицундских переводческих симпозиумах крупный литературовед и культуролог Георгий Гачев (автор уникального исследования «Национальные образы мира»). Ему принадлежит, на мой взгляд, достаточно объективное и оригинальное определение характера взаимоотношений Абхазии и Грузии: «Небо могло бы быть образом бесконечности, но ведь оно уловлено зубчатостью гор. Море могло бы быть, таким образом, бесконечностью для приморской Грузии, Абхазии (кстати, если посмотреть по карте, Абхазия и Грузия находятся в перпендикулярном друг к другу отношении, как в электромагнитной волне…Так вот: море могло бы стать образом бесконечности для приморской Грузии и Абхазии, но последняя чувствует себя скорее как Колхиду, место прибытия, берег, конец странствия тех же аргонавтов, приход к цели, осуществление, свершение». (Кстати, Георгий Гачев не

понаслышке знал о перипетиях взаимоотношений Абхазии и Грузии, об особенностях этнокультурной идентичности абхазов. Он поддерживал тесные дружеские отношения с абхазскими учёными В. Цвинариа, Б. Гургулиа, В. Агрба, А. Аншба в годы их учёбы в аспирантуре при ИМЛИ им. А. М. Горького и получал от них ценную научно-исследовательскую информацию (источник: Г. Гачев. «Национальные образы мира»).)

С ещё большей интригой и парадоксальностью сталкиваемся мы в другом эпизоде, описанном Натальей Ивановой: «Я понимала и понимаю, что все гачевские работы — это скорее художество, нежели наука. И всё же… Потом его путём пошёл Михаил Эпштейн, "дикорастущий студент", как его называл Турбин. Многое он от Гачева взял, многое усвоил и переработал, но я, читая парадоксы Эпштейна, всегда помню Гачева, присевшего на стол в Доме кино: он был первый, и он построил свою жизнь по своей культурной модели. Теперь Гачева нет, ушла и Светлана Семёнова, мать-сыра-земля, тоже с совершенно обаятельными в своей ненаучной художественности идеями и парадоксами…

На одном из грузинских семинаров Гачев рассуждал, естественно, о национально-специфическом в культуре (в более широком понимании,

чем “культура и искусство”). Гранат, где весь сок внутри, — это образ Армении, гроздь винограда, где сок практически “снаружи”, его отделяет от нас тончайшая пленка, — это Грузия… Абхазский хачапури — это яйцо внутри, грузинский — снаружи, здесь проявляется национальная специфика, образ Грузии… В рядах грузин начался ропот — грузины возмущались: на самом деле всё оказалось наоборот. Больше Гачева на пицундские семинары не звали.

Но в перестройку и после он выпустил дюжину, если не больше, книг типа “Образ Индии”, Америки, Франции, Англии, Мексики, Испании… Мир его праху. Он погиб под колесами электрички — на железнодорожном переделкинском переезде. Шёл под метелью, полузакрыв лицо капюшоном, в сильных диоптрийных очках, думая о своём. Дикорастущий философ» (Н. Иванова. Ветер и песок. Журнал «Знамя», № 3, 2015).

Тема переводческих симпозиумов в Пицунде — своеобразного дискуссионного клуба — нуждается в более обширном и скрупулезном исследовании. Думаю, что когда-либо Абхазия вернётся к этому интересному и весьма содержательному формату круглых столов, учитывая особую актуальность и значимость переводческой проблематики. Пробелы в этой тончайшей сфере художе-

ственного взаимодействия ощутимы сегодня и в Абхазии, и в России, а может быть, и в масштабах всего литературного мира.

Из беседы Владимира Зантариа с Денисом Чачхалиа (известным поэтом, переводчиком, драматургом и историком):

— Денис, как тебе хорошо известно, в Пицунде в советскую эпоху часто проходили различные творческие семинары. Помню, там обсуждались проблемы развития жанров художественного очерка, прозы, детской и юношеской литературы… Проводили их Союз писателей СССР и Союз писателей России. Но, на мой взгляд, более значительный след оставили дискуссии по проблемам художественного перевода, в которых ты непосредственно принимал участие… Что ты хотел бы отметить, оглядываясь мысленно на те события?

— Да, я согласен с такой точкой зрения, потому что для представителей русской литературы эта площадка была далеко не единственной, а для нас, представителей абхазской литературы, это была единственная площадка. Кроме того, это был тот формат, в рамках которого мы в более

облегчённом варианте могли общаться со своими коллегами из Тбилиси. И с российскими, разумеется, коллегами — и более животрепещущими были для нас вопросы художественного перевода абхазской литературы на русский язык, потому что это был громадный ресурс пропаганды абхазского художественного слова на пространстве бывшего СССР. И иметь вот такой инструмент значило очень многое, и, конечно, нас это воодушевляло. Тем более что я сам переводчик и моя заинтересованность в этом была достаточно очевидна. И мы, конечно, очень охотно шли на такие встречи, и, если присмотреться, потому что вопрос этот недостаточно изучен, есть конкретные успехи в абхазском художественном переводе, которые так или иначе были связаны с деятельностью тех семинаров и симпозиумов.

— В числе участников широких пицундских дискуссий был Андрей Битов, признанный мастер русской прозы. В своём письме, опубликованном в «Независимой газете», он открыто выступил в защиту Абхазии, подвергшейся вооружённой агрессии со стороны Грузии в 1992 году. И вот он ещё до войны приезжал в Абхазию, написал немало лестных слов об абхазской культуре. Думаю, Денис, ты хорошо помнишь его глубокие и весьма оригиналь-

ные размышления на тех же пицундских семинарах по художественному переводу...

— Андрей Битов относился к категории людей, которые не могут обманывать, не могут не говорить правду... Но в данной ситуации он испытывал некоторую неловкость... Почему? Потому что он должен был кусать руку тех людей, которые давали ему возможность пропитания. А он был тогда гонимый писатель, и любая ситуация, которая давала ему обычное человеческое пропитание, была для него просто жизненно необходима. Но в чём суть его писательского кредо, его непоколебимости? Когда речь шла о прозе, о тенденциях её развития, русской современной, грузинской современной, других национальных литератур и т. д., получалось так, что доминировала мысль о том, что именно грузинская проза здесь выдвигается вперёд и с большим преимуществом как бы утирает нос — грубовато, но что ж делать? — остальным национальным литературам. И прозвучало это из уст самих русских прозаиков, литературоведов русских и критиков, к тому же именитых, умных, мыслящих. И как-то весьма несправедливо это прозвучало... Видимо, эти рассуждения так задели Андрея Битова, что он осёк выступающего и сказал такую фразу —

она была, конечно, произнесена в широком контексте: «Да, наверное, мы, русские писатели, молчим, — и вдруг резко он сделал такое заключение, быстрое и энергичное: — но мы молчим так, как вам молчать и не снилось...»

Александр Иванов и Абхазия

Денис Чачхалиа рассказал мне также о том, какую достойную поддержку оказывал Абхазии в тяжёлые для неё годы выдающийся поэт-пародист Александр Иванов, который, приезжая в пицундский Дом литераторов, всегда находил время для общения с абхазскими друзьями. По очень объективному открытому письму о вопросах грузино-абхазских взаимоотношений, с которым он выступил в 1989 году, видно, что он достаточно глубоко разобрался в причинно-следственных мотивациях тех драматических событий. Денис вспоминает интересный разговор с А. А. Ивановым и его супругой, известной балериной, солисткой Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова Ольгой Заботкиной. Это было на дружеском застолье в Цандрыпше, после успешного творческого вечера в Гагрской филармонии:

«Вместе с нами находились архитектор Валерий Хашба, моя супруга Мария Гицба… Александр Иванов произнёс тост за Абхазию, наступила пауза. И, заметив, что, глядя на танцующих, веселящихся туристов, я грустно призадумался, наш любезный гость как-то по-дружески спросил: о чём же я думаю? И я, не скрывая причины своего задумчивого и несколько напряжённого состояния, отвечал другу:

— Вот смотрю на расслабившихся курортников и думаю: когда же мой народ получит вот такую же отдушину, расслабится, забудется, как вот эти отдыхающие?

— Я так и думал… — так спокойно, но многозначительно отреагировал на мои слова Александр».

Вспоминая братьев по литературному цеху

Во время беседы в его сухумском офисе Денис Киршалович также искренне, тепло и с чувством братской благодарности вспоминал своих друзей, известных писателей Святослава Рыбаса, Ларису Тараканову, которые во время учёбы в Литературном институте дружили с видными представителями творческой интеллигенции Абхазии — Г. Аламиа, Э. Басариа, Р. Эбжноу, Л. Ард-

зинба, Р. Гуажба, получавшими образование в стенах литературного спецвуза.

Будучи одним из руководителей газеты «Литературная Россия» (заместителем главного редактора), Святослав Рыбас, когда в Абхазию пришла беда, смог организовать для своих абхазских коллег встречу с членами редколлегии, опубликовать ряд острых публицистических материалов в защиту абхазского народа, ввергнутого в кровавую пучину войны. Он всё время держал руку на пульсе Абхазии и реагировал на её проблемы достаточно оперативно. Денис говорил о том, что Святослав не оставил без внимания ни один вопрос, с которым мы обращались в то тяжёлое время в столь уважаемую и читаемую газету. Абхазия в тот период крайне нуждалась в информационной и моральной поддержке, потому что ситуация в республике освещалась однобоко и тенденциозно.

И конечно же, история этих дружеских отношений связана не только с Литинститутом, но и пицундским Домом творчества, где корни российско-абхазских творческих взаимосвязей становились ещё глубже и крепче. Видимо, не все знают о том, что Святослав Рыбас является автором достаточно известных и популярных книг (политических биографий), входящих в серию «ЖЗЛ», в том

числе «Столыпин», «Сталин», «Громыко». Он удостоен премий им. Александра Невского, Антона Дельвига, Николая Карамзина.

Живые творческие диалоги и поэтические вечера

В 1986 году в Пицунде отдыхал и работал над своими новыми литературоведческими исследованиями известный русский филолог А. Чичерин — автор статей о стиле и языке А. Фета, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Н. Лескова, М. Горького, В. Распутина, о проблематике романов Гёте, Бальзака, Т. Манна. Здесь в свободное от творческой работы время он общался с абхазскими писателями и литературоведами, делился впечатлениями об абхазской традиционной культуре и этике. Обратимся к хронике дальнейших событий. Во второй половине 80-х в конференц-зале пицундского Дома творчества им. Д. И. Гулиа успешно проходили литературные вечера и семинары с участием Ф. Искандера, Б. Ахмадулиной, Р. Рождественского, О. Чухонцева, М. Курганцева, В. Куприянова, А. Парпары, Г. Регистана. В этих творческих встречах разного формата принимали участие И. Тарба, А. Гогуа, М. Ласуриа, Н. Квициниа, М. Микая, В. Ацнариа, В. Амаршан, Ш. Чкадуа, Н. Хашиг,

Г. Гублиа, Б. Гургулиа, Т. Чаниа, Т. Аджба, П. Бебиа, А. Дженна, Э. Басария, Д. Зантария, В. Читанаа, И. Хварцкиа. На литературных вечерах отдыхающие, пользуясь редкой возможностью вживую пообщаться с писателями, обращались к ним с вопросами, имеющими отношение не только к художественной литературе, но и к творческим планам тех или иных авторов, к множеству острых социальных проблем, тревоживших общество в ту эпоху. В хронике событий, происходивших в Доме творчества, значительное место занимают лекции на тему истории и культуры Абхазии. Нередко они звучат из уст кандидата исторических наук, автора десятков популярнейших краеведческих работ В. Пачулиа. Абхазский учёный был лично знаком с выдающимися историками, этнологами, писателями, дипломатами ближнего и дальнего зарубежья.

«Древняя, но вечно молодая Абхазия» — так назывался цикл лекций Вианора Пачулиа, построенных зачастую на сенсационных материалах и находках. Абхазский краевед умел заинтриговывать отдыхающих какими-то редкими сюжетами, новой, ещё нигде не публиковавшейся информацией, найденной в архивах и библиотечных фондах.

Однажды, читая лекцию по истории Абхазии, Вианор Панджевич, обращаясь к отдыхающим, среди которых были писатели В. Дудинцев, А. Чаковский, Е. Исаев и другие, вдруг как-то неожиданно перекинул мостик с темы средневекового Абхазского царства к вопросу геронтологии и абхазского долгожительства. Говоря о причинах и условиях, от которых зависел феномен долголетия, наш лектор попытался внушить аудитории, замершей в надежде услышать про какие-то особые секреты, что абхазы перед каждым завтраком, обедом и ужином употребляли по 50 граммов какого-то чистого целебного керосина. Кое-кто из присутствовавших записал эту информацию в свой блокнот. А абхазские писатели сделали вид, будто не сомневаются в геронтологических познаниях своего многоопытного друга.

«Абхазия — как Ориноко...»

Думаю, следует уделить определённое внимание некоторым отголоскам абхазской тематики в творчестве Андрея Вознесенского. По предположениям некоторых литературоведов, стихотворение «Абхазия — как Ориноко...», ассоциирующееся

по своему звучанию с ритмом и интонациями выдающегося лермонтовского «Паруса», написано в дни пребывания одного из ярких поэтов-шестидесятников в Пицунде, в Доме творчества Литфонда:

Абхазия — как Ориноко,
Зелёная на голубом.
Гуляет парень одинокий,
Что ищет он в краю родном?
Его не занимают музы.
Что он ищет, золотой?
— Автомат системы «Узи»,
Будто в «Узи» есть покой.

1989 г.

Замечу, что указанная А. Вознесенским дата занимает особое место в новейшей политической истории Абхазии. Это был трагический для Абхазии год, когда откровенные национал-шовинистические устремления тбилисской метрополии привели к массовым столкновениям людей в Сухуме, в результате которых погибло множество людей. О неслучайности, определённой психологической мотивированности писательского интереса и внимания А. Вознесенского к абхазской проблематике свидетельствует ещё и тот факт, что, принимая участие в

программе Дней советской литературы в Абхазии в 1984 году, поэт блестяще продекламировал в одном из своих выступлений трогательное стихотворение Николая Асеева «Абхазия» (1933 г.):

Кавказ в стихах обхаживая,
Гляжусь в твои края,
Советская Абхазия,
Красавица моя.

Когда, гремя туннелями,
Весь пар горам раздав,
Совсем осатанелыми
Слетают поезда,

И моря малахитового,
Тяжёлый и простой,
Чуть гребни перекидывая,
Откроется простор,

И входит в сердце дрожь его,
И — высоту обсеяв —
Звёзд живое крошево
Осыплет Туапсе,

И поезд ступит бережно,
Подобно босяку,
По краешку, по бережку,
Под Сочи на Сухум, —

Тогда глазам откроется,
Врагу не отдана,
Вся в зелени до пояса
Зарытая страна.

Не древние развалины,
Не плющ, не виадук —
Одно твое название
Захватывает дух.

Зеркалит небо синее
Тугую высоту.
Азалии, глицинии,
Магнолии — в цвету.

Обсвистана пернатыми
На разные лады,
Обвешана в гранатные
Кровавые плоды,

Врагов опутав за ноги,
В ветрах затрепетав,
Отважной партизанкою
Глядишь из-за хребта.

С тобой, с такой красавицей,
Стихам не захромать!
Стремглав они бросаются
В разрыв твоих громад.

Они, тобой расцвечены,
Скользят по кручам троп —
Твой, шрамами иссеченный,
Губами тронуть лоб!

В стихотворении, написанном, как говорится, на одном дыхании, сквозь сказочно-живописную красоту земли абхазской, воссозданную мастером ярко и экспрессивно, проглядывается и её драматическая судьба, и её многострадальный путь.

К теме Абхазии Андрей Вознесенский возвращался и в других своих произведениях. «И какой-то тайною целомудренной / Тянет сосны муромские к пицундовским...» — прибегнет поэт к неожиданному образу — сравнению в поэме «Андрей Полисадов».

Примечательно, что недавно в книге стихов и прозы А. Вознесенского «Ров» (М., Советский писатель, 1987) я обнаружил великолепное сюжетное стихотворение «Конские состязания в Лыхны». Весьма театрализованно и динамично представляя читателю сцену традиционных скачек на знаменитой исторической абхазской поляне Лыхнашта, поэт сообщает читателю, что одна из ретивых лошадей, участвовавших в забеге, неожиданно для публики сбросила седока, но, не растерявшись, продолжила свой стремительный

бег. И фонтанирующее воображение поэта мгновенно переносит лирическое событие в иную философскую плоскость: «Несётся мысль без мыслителя / И лермонтовская тоска, / Поручиком не насытившись, / Мчится без седока…» И заключительным аккордом стихотворения становятся ещё более возвышенные мысли, доведённые до определённой художественной экзальтации:

Верните мне мою лошадь!
Верните мне времена!
Тебя в небесах стреножат,
Кто вскочит в те стремена?

«Внезапное сопряжение двух текстов…»

Обратимся к ещё одному интересному эпизоду из неутомимой и многоликой жизни литераторов. Писательский Дом в Пицунде становится своеобразным источником творческой энергии, многозначным символом, подталкивавшим литературоведов и критиков к мыслям о созвучии и ассоциативной близости мышления разных авторов, признанных мастеров слова, создававших свои произведения здесь, в

Абхазии, у пицундского мыса. В частности, интересный сравнительный взгляд на характер художественных изысканий поэта О. Чухонцева и прозаика А. Битова содержат высказывания литературного критика Е. Сидорова. Эта точка зрения основывается на интересном, отнюдь не случайном сопоставительном анализе: «Помню, в писательском Доме Пицунды в начале восьмидесятых Чухонцев читал свою городскую повесть “Однофамилец” (Наталья Иванова тоже должна это помнить). Дело было у Андрея Битова, который недавно закончил своего “Человека в пейзаже”. Внезапное художественное сопряжение двух текстов было поразительным. Стихи и проза были родственны печальным смыслом: жизнь интеллигенции превращалась в пьяный фантом, в пустоту слов, в нравственную необязательность, в раздвоенность души. Тогда Чухонцев писал:

И Эрос есть. И Логос есть.
Нет Космоса — как сверхидеи.

Но и в отсутствии Неба Чухонцев упорно и безраздельно с теми, кто на обочине жизни, с теми, кто не победитель, “кто нищ, бесправен и гоним”».

***

Для меня оказались настоящей находкой неожиданные сравнения и метафоры в пицундских стихах Александра Кушнера, где образы и мысли, навеянные Абхазией, её женщинами, ещё ярче и глубже раскрывают метафизичность и мистицизм художественного мышления автора, его глубоко самобытного и субъективного мироощущения:

Сам не знаю, какая меня укусила
кавказская муха.
Отшучусь, может быть.
Ах, поэзия, ты, как абхазская эта старуха,
Всё не можешь о смерти забыть,
Поминаешь её в каждом слове то
громко, то глухо,
Продеваешь в ушко синеокое чёрную нить…

Не менее впечатляющи, на мой взгляд, абхазские картины, созданные одной из наиболее влиятельных и популярных представительниц поколения шестидесятников, выдающимся поэтом Юнной Мориц, со свойственной её манере броскостью, богатством и изысканностью художественной палитры, контрастностью поэтических трансформаций и, казалось бы, несовместимой «совместимостью» раскрываемых лирических со-

бытий. Один из таких ярких примеров — стихотворение «Абхазская осень»:

Земля заляпана инжиром,
Сады приклеились к дверям.
Стоит угар. Бараньим жиром
Шипят пирушки по дворам.

Из кожи вылезли платаны,
Как вылезают из долгов.
Октябрь! Из неба бьют фонтаны
Над нами навзничь Петергоф.

Настоян воздух на укропе,
Вразбивку дождь и солнцепёк.
Как зрелище в калейдоскопе,
Листва готова наутёк.

Стелю у моря полотенце —
Четыре лебедя с каймой,
Четыре ангела с младенцем
Летят сквозь облако домой.

И замыслов счастливых стайка
У изголовья тут как тут,
На каждом трусики и майка,
Поглажу их — пускай растут!

А по ночам морские пены
Поют в избытке серебра,

И остывающие стены
С лежанки гонят в пять утра.

Рассвета розовое древо
Шумит надеждами во мне,
И тень моя уходит влево
С двумя крылами на спине.

Из беседы Владимира Зантариа с Денисом Чачхалиа

— Денис, о чём говорят тебе имя и личность немецкого писателя Йозефа Рединга, отдыхавшего в советский период в пицундском Доме творчества Литфонда?

— В ответ на мою реплику, что абхазская литература недостаточно представлена в библиотеке пицундского Дома творчества им. Д. И. Гулиа, библиотекарь решила отреагировать следующим образом. Она собрала несколько грузинских писателей, отдыхавших в пансионате, и провела вечер, скажем так, встречи советских и иностранных писателей. Там были и издатели, и редакторы разных литературных изданий, прозаики — немецкие, чешские и т. д. И, предваряя встречу вступительным словом, Реваз Мишвеладзе, грузинский писатель, приветствовал собравшихся здесь ино-

странных писателей, представляя нашу Абхазскую республику как «древнюю хлебосольную грузинскую землю...» Ну, так получилось, что я, может быть, не должен был в подобной ситуации портить праздник людям, мне следовало остановиться или отложить выяснение отношений, но то, как это было сделано, учитывая, что я мог бы уже не получить этих людей и эту аудиторию, — вынудило меня, как говорится, расставить все точки над і.

Я извинился перед присутствовавшими за то, что не буду выступать в жанре традиционных доброжелательных приветствий. Сказал открыто, что эта тема меня, как писателя и человека, настолько задела, что я не мог сидеть и молчать в аудитории, где только что стихли слова о том, что, оказывается, моя Родина — это грузинская земля и что все достижения моего народа принадлежат Грузии.

«Я вам должен ответственно заявить, что это совершенно не так...» — продолжил я и, выражаясь кратко, представил участникам встречи полную противоположность выступлению грузинского писателя.

Сказал о том, что абхазы — это самобытный древний народ, что у них своя история и они внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры и т. д. Я был очень взволнован, мне было тяжело выбирать какие-либо слова. И я не ожидал, что

это вызовет какую-либо серьёзную реакцию. В то же время было такое ощущение, что в зале как будто ждали моего слова или люди чувствовали в тональности выступления грузинского писателя явную фальшь… И мои слова произвели на них достаточно сильное впечатление — это было видно и по шуму в зале, и по аплодисментам, и по воодушевлению, выражавшему поддержку: «Молодец, заступился за свою Родину, за своё Отечество!»

Вот в таком духе всё и происходило. И что же получилось? Вышло так, что мы за своим столиком в литфондовской столовой, всей семьей: жена, дети — двое юношей, — все сидим и обедаем… К нам подошёл незнакомый мне человек, представился через свою переводчицу (Семёнову, с которой мы познакомились позже). Переводчица сказала, что господин Рединг, присутствовавший на встрече, восхищён моим поступком и тем словом, которое я произнёс в защиту своей культуры и своей истории. Помню, они стоят всей семьёй: отец, мать семейства и двое мальчиков, уже хорошие такие подростки, высокие, рослые, — и он держит в руках запакованную рубашку в какой-то прозрачной плёночке. Как сейчас помню, я её с удовольствием носил, пока не сносил окончательно, — розоватую рубашку в мелкую клеточку… Вот так, словно соблюдая абхазские традиции, этикет, он решил закрепить своё отноше-

ние ко мне таким незабываемым знаком внимания. И что интересно, почти все участники вчерашнего события могли видеть, как это происходило. Потом мы ещё встречались отдельно, пели абхазские песни, и они были очарованы нашими абхазскими песнопениями — в особенности звучанием «Песни ранения» и «Песни скале». Потому что, оказывается, они всей семьёй постоянно ходили в церковный хор, где пели именно такие хоровые, церковные песни. А они, соборные песни, очень схожи, у них какой-то настрой одинаковый. То есть им просто по жанру были близки эти абхазские песни, у которых тоже, как я понимаю, соборные истоки — у двух этих абхазских великих народных песнопений.

— Денис, насколько мне известно, ты был в дружеских отношениях и с известным русским прозаиком Владимиром Дудинцевым. Не связано ли ваше знакомство с ним с пицундским Домом творчества?

— Да, Дудинцев тоже был участником той встречи, где я вынужден был рассказать советским и иностранным писателям о подлинной истории Абхазии, в противовес фальсифицированной, прозвучавшей из уст Реваза Мишвеладзе. Дудинцеву тоже, насколько я понял по нашему общению с ним, понравилось моё выступление, о чём он сказал мне после той встречи, органи-

зованной библиотекой Дома творчества. Он был в творческой командировке, занимался своими делами — рукописями, книгами. Но у нас появлялась возможность говорить на разные темы в свободное время, на территории пансионата. Он тоже был очарован нашим семейным пением. «Денис, у вас такие чудные дети, это яркие образцы — ваших с Марией! — демографических возможностей…» — говорил Владимир Дмитриевич, как бы шутя, но очень искренне, по-доброму. «У Вас прекрасные дети, матрица замечательная — теперь дело за тиражом…» — продолжал русский писатель.

Есть ещё один интересный эпизод, заслуживающий внимания. Спустя какое-то время, зайдя в Интернет, я вдруг узнал, что кто-то продаёт с аукциона мою маленькую книжку стихов «Два неба». Я приобрел её, так как она успела стать библиографической редкостью. По автографу я понял, что это был тот экземпляр моей книжки, который я в своё время подарил В. Дудинцеву. Видимо, после его смерти какие-то книги из его библиотеки попадали на аукцион. Вот такими бывают судьбы не только писателей, но порой и их книг.

***

Думаю, мой рассказ об истории пансионата «Литфонд» можно дополнить ещё одним неординарным фактом.

После личного знакомства с В. Дудинцевым Денис Чачхалиа решил найти удобный момент и попросить его оставить свой автограф в книге с романом «Не хлебом единым», которую он специально привёз из Сухума в Пицунду.

Русский писатель с удовольствием расписался в книге, тонко намекнув насчёт «матрицы замечательной» и «тиража».

А история у этого экземпляра книги — непростая. Знаменитая вещь была приобретена отцом Дениса, Киршалом Шамильевичем Чачхалиа, в 1968 году, в Москве, в писательской лавке на Кузнецком мосту, на втором этаже, где она выдавалась только по удостоверению члена Союза писателей СССР. Такова была степень популярности и востребованности романа «Не хлебом единым».

Два мэтра

Пицунда сблизила, можно сказать, духовно породнила русского прозаика, автора романов «Ни хлебом единым», «Белые одежды» Владимира Дудинцева и абхазского писателя Алексея Гогуа, перу которого принадлежат крупные эпические полотна «Нимб», «Асду», «Снег и молния». Их частые задушевные беседы касались, в част-

ности, проблем стилевых исканий в современной прозе. Лично мне доставляло большое удовольствие слушать в уютных «кабинах» старого бара писательского Дома философские размышления двух больших прозаиков. Этот диалог перерастал порой в жаркую литературную полемику. Сбивать градус запальчивых споров о том, насколько, в частности, оправдан лиризм настоящей прозы, мне удавалось тостами за общечеловеческий смысл «очага», «за культуру», «за женщин» и т. д. Иногда в моих замысловатых тостах было больше абсурда, сюрреалистической размытости, нежели какой-то глубокой мысли, но они вполне устраивали всех, потому что легко снижали эмоциональный накал и градус напряжённости. Своеобразное амортизирующее воздействие придуманных мной тостов достаточно ощутимо проявлялось после двух-трёх рюмок сухумского коньяка, вкусовые качества и аромат которого в те годы были признаны даже искушёнными дегустаторами. Мне кажется, наши литфондовские беседы чем-то напоминали эпикурейские трапезы. Теплоту, ощущение некоего домашнего уюта и взаимную доверительность тона общения усиливали сюжетные стихи Новеллы Матвеевой, которые читала нам спокойным тоном и в то же время страстно супруга Владимира Дмитриевича —

Наталья Фёдоровна. Кстати, интересную портретную характеристику посвятила этой замечательной супружеской чете Алла Докучаева (цикл «Бельские просторы»), дважды проводившая отпуск в пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа: «Когда они шли рядом, про них можно было сказать: не подходят друг другу. Он — коренастый, в неизменной клетчатой рубашке с засученными рукавами, лицо умное, но самое простое, из тех русских лиц, которые поначалу не останавливают на себе внимание, но встретишь острый взгляд небольших, лукавых, с весёлой искоркой глаз и поймёшь, что перед тобой человек мудрый и с характером. Она — высокая, выше его на полголовы, прямая спина, гордая осанка, широкополая соломенная шляпа прикрывает высокий лоб, лицо тонкое, нос с лёгкой горбинкой. Он — азартный, живой, она — сдержанная, немногословная. Понаблюдаешь за этой парой день-другой, и их внешняя непохожесть не только перестаёт быть заметной, а покажется, что так судьбой задумано: их союз озарён таким внутренним взаимопониманием, такой преданностью и нежностью, что невольно проникаешься к ним теплом и уважением. Наталья Фёдоровна, конечно, была его опорой в те тяжёлые дни, когда его не печатали, не давали работать».

«Голубчик! Вы меня обокрали...»

И ещё об одной малоизвестной особенности творческого взаимодействия писателей. С пицундским «Литфондом» прямо или косвенно связаны некоторые забавные истории о подражаниях, реминисценциях, «перепевах». Вот как лаконично и достаточно театрализованно описал подобные эпизоды К. Ковальджи: «Как-то в Пицунде перед читателями Давид Кугультинов вдруг прочитал стихи, которые... я давно собирался написать. Ещё со студенческих лет я записал строчки (дальше почему-то дело не пошло):

Я не помню своего начала,
Не запомню своего конца.

Человек "для себя, внутри себя" не имеет ни начала, ни конца, он как бы бессмертен. Извне видны его пределы.

Примерно то же высказал и Кугультинов и, пока я сокрушенно удивлялся совпадению, он продолжал:

— Я дал подстрочник этого стихотворения Маршаку. Тот прочитал, близко приставив листок к глазам, и откинул его: "Голубчик! Вы меня обокрали. Я собирался написать это стихотворение..."»

Вот такие парадоксы и неожиданности нередко сопутствовали жизни и быту писателей в пицундском «Литфонде».

«Абхазские слова во мне живут...»

Римма Казакова, неоднократно приезжавшая в пицундский Дом творчества писателей им. Д. И. Гулиа, известна в нашей стране как поэт, блестящая переводчица романа в стихах Б. Шинкуба «Песнь о скале», лирических и лиро-эпических произведений И. Когониа, И. Тарба, К. Ломиа, Н. Тарба, Ш. Пилиа и других классиков абхазской литературы. Она посвятила стране души, волшебству абхазской речи ряд замечательных стихов. Вот одни из них:

Абхазские слова во мне живут —
Из звуков, нам о сути слов не лгущих.
В них — шум прибоя, водопадов гуд,
И щебет птиц, и щёлканье лягушек,
Свист ветра, зов, и звон его, и зык
В горах, где чисто светят снега пятна...
И, как природы радостный язык,
Мне всё понятно в них, хоть непонятно.
И я, как в дом, в морской простор вхожу
И в горы поднимаюсь без опаски,

И окликаю всё, чем дорожу,
Клекочуще и терпко, по-абхазски.

1981 г.

Вот сколько чувств, страстной любви, поэтического вдохновения вложено в это лирическое благозвучие русской поэтессой, оставившей свой заметный след в истории нашего общего русско-абхазского культурного взаимовлияния. Многие знают о её личных дружеских отношениях с Нелли Тарба. Талантливая поэтесса превосходно переложила на русский язык не только яркие образцы лирики нашей замечательной поэтессы, но и её прозу, в частности повесть «Апсымра — солнце мёртвых».

Последний раз Римма Фёдоровна посетила свой родной пицундский «Литфонд» в 2003 году, в дни празднования в Абхазии 90-летия со дня рождения крупного прозаика, автора широко известных историко-художественных полотен, романов-эссе, сына великого Дмитрия — Георгия Гулиа. Помню, по её просьбе мы заехали в Дом творчества писателей, директором которого был в то время автор морских записок «Взгляд Нептуна», поэт, публицист Ш. Х. Пилиа. Римма и Шамиль встретились прямо у парадного входа в здание,

на ступенях писательского Дома. Трудно передать словами, как они, когда-то в советскую эпоху близко знавшие друг друга, были безмерно рады встрече в Пицунде по прошествии стольких лет. Римма Казакова, возглавлявшая в то время Московскую писательскую организацию, интересовалась возможностями восстановления прежних условий отдыха для московских литераторов (в пицундском Доме творчества).

М. Дудин и В. Конецкий — в «Пицундской литературной хронике»

В конце 1980-х в Абхазию вновь приезжает поэт Михаил Дудин, видный представитель фронтовой плеяды. Думаю, что воспоминания А. Докучаевой о нём могут заинтересовать не только почитателей и ценителей художественного дарования поэта, но и тех, кто занят исследованием отдельных страниц истории литературных взаимосвязей, незаслуженно обойдённых вниманием литературоведов и краеведов. «…В другой раз, в последний, мы увиделись два года спустя, в 1990 году, в Пицунде, в Доме творчества Литфонда, — увиделись уже как добрые знакомые. Я подружилась с его женой Ириной Николаевной Тарсановой,

редактором “Ленфильма”, мы часто вместе прогуливались, беседовали. А Михаил Александрович в основном гулял в одиночку, с суковатой жёлтой палкой — носил её чуть по-пижонски, иногда подкидывая, но, когда людей вокруг не случалось, опирался на неё». Далее А. Докучаева описывает случай, раскрывающий некоторые черты характера М. Дудина, проявляющиеся подчас в неординарных ситуациях: «Как-то я своему пятилетнему внуку читала книжку в беседке. Рядом — ограда. Женя через неё перелез за бабочкой. Поймал и стоит, рассматривает. Вдруг прямо из травы, в двух десятках сантиметров от него, поднимается вверх голова гадюки. Говорю ему как можно спокойнее (откуда только взялось это спокойствие): “Женечка, не оглядывайся, быстро перелезай ко мне — сзади змея”. Перелетел одним махом, глазёнки расширены от ужаса, я хватаю его за руку, и мы мчимся прочь так, как будто эта змейка нас преследует по пятам. Навстречу — Дудин со своей палкой: “Что случилось? Кто за вами гонится?” Мы в два голоса: “Змея!” Он смеется: “Какая змея? Дракон, что ли?” — обнимает нас обоих, и Жене: “Да не бойся ты! Где она? Около беседки? Вот я её сейчас палкой!” Вспоминаю его сегодня — мудрого, с зорким и добрым взглядом, и почему-то змея,

которую он грозился пугнуть своей палкой, ассоциируется у меня с тем злом, от которого хотел он очистить Родину ли, Вселенную ли, когда писал в поэме “Зёрна”:

И пока я не вынесу
Зло подноготное к свету,
Не очищу от тины
Рули на своём корабле,
Нет прощения мне,
Оправданья беспечности нету,
И не будет покоя
На милой земле и в земле.

На мой взгляд, заслуживают неменьшего читательского внимания и интереса факты, связанные с пребыванием в Пицунде знаменитого прозаика, киносценариста, капитана дальнего плавания В. Конецкого. В эссе «Самый тонкий в мире капитан» литературный критик Н. Иванова отмечает: «…Но Конецкий бывал и тих, и ясен — таким я видела его в Пицунде, где мы совпали на “срок” пребывания в Доме творчества осенью 1987-го. Много ходил, я его “таскала” на прогулки, несмотря на его больные ноги, — я понимала, что ходьба ему на пользу, хотя сигареты всю эту пользу “компенсировали”. Была в нём — одновременно — страсть

к чистоте и порядку и страсть к саморазрушению. Подарил книгу "Ледовые брызги" с чудесной надписью: "Наташе Ивановой — с хорошими словами, с полным желудком хороших слов, со всеми вообще хорошими словами — самый тонкий в мире капитан Виктор Конецкий. 01.XI.87. Пицунда"».

Три фигуры, три богатыря...

Думаю, достаточно интересен и привлекателен сюжет, связанный с пребыванием в Пицунде ещё трёх признанных мастеров художественного слова. В одно и то же время отдыхали здесь видные представители балкарской, башкирской и калмыцкой литератур: К. Кулиев, А. Хакимов, Д. Кугультинов. Свой творческий отпуск они посвящали не только кропотливой работе за письменным столом, но и спокойным доверительным беседам о проблемах развития национальных литератур, сохранения языков, традиций и выживания малочисленных народов в условиях усиливающейся девальвации нравственных и духовных ценностей. В своих воспоминаниях о башкирском писателе, опубликованных в журнале «Ватандаш», заместитель главного редактора «Литературной газеты» (1970–1990 гг.) Владимир Бонч-Бруевич

прибегает к интересным портретным характеристикам: «Двадцать лет мы сталкивались ежедневно в коридорах и кабинетах “Литературной газеты”. Но в памяти у меня осталась ещё и совершенно не связанная с нашим зданием картина. Жалею, что в руках не оказалось фотоаппарата. Это было в Пицунде, на пляже. Лето, жара. Вдруг откуда-то из-за поворота появляются три фигуры: Ахияр Хакимов, Давид Кугультинов и Кайсын Кулиев, такие три богатыря, причём на пляже все лежат в соответствующем виде, а они идут по берегу одетые, издали кажется, что в бурках, кто-то с посохом. Вот этот кадр и поныне стоит перед моими глазами. И Ахияр Хасанович для меня, как и для многих, конечно, остаётся человеком, достойным самого глубокого уважения и самой светлой памяти». С пицундским Домом творчества также связаны интересные воспоминания народного писателя Кыргызстана, академика Мара Байджиева, встретившегося здесь с Кайсыном Кулиевым: «Будучи студентом КГУ, я часто встречался с К. Кулиевым в Союзе писателей в секции переводчиков. Он подружился с начинающим прозаиком Чингизом Айтматовым, и они вместе перевели на русский язык повесть Т. Сыдыкбекова «Дети гор». После XX съезда КПСС К. Кулиев, как и многие пересе-

ленцы, вернулся на родину. Встретил я его в начале 80-х годов в Доме творчества в Пицунде. Мы с женой на лифте спускались вниз. На пятом этаже открылась дверь, вошёл седой человек и встал к нам спиной. Когда лифт остановился, аксакал вышел первым и повернулся к нам: “Я слышу, вы из Кыргызстана. Передайте этой прекрасной земле мой нижайший поклон. Там много хороших людей!” — сказал он, по-отечески обнял нас за плечи и прослезился. Это был Кайсын Кулиев. Меня он, конечно, не узнал. Столько лет прошло! Вечером я хотел пойти к нему в номер, но не стал его расстраивать грустными воспоминаниями — он плохо выглядел. Вскоре Кайсына Кулиева не стало...»

***

Занимаясь исследованием отдельных фактов, эпизодов, историй и сюжетов, я с радостью узнавал, что с ними связаны и другие, не менее привлекательные события общественной и литературной жизни. Так, из публикации доктора филологических наук, профессора Кабардино-Балкарского государственного университета Т. Е. Эфендиевой я почерпнул немало ценной информации о близких взаимоотношениях Кайсына Кулиева с Нафи Джусойты, выдающимся представителем осетинской филологии, культуры:

«О дружбе Нафи Джусойты и Кайсына Кулиева можно написать целую монографию: так долго они знали друг друга и так многое их связывало.

Август 1982 года много мог бы поведать о них, когда Кулиев с Элизат и Нафи Джусойты с женой Лидой отдыхали вместе в Пицунде. Здесь же с ними были Ахияр Хакимов с дочерью и супругой Лидией из Москвы. Они вместе проводили время, много гуляли около моря, говорили о будущем, строили творческие планы, фотографировались на память…» («Мы все вышли из его шинели…», газета «Южная Осетия», 19 июня 2015 г., № 75–76).

О том, какие симпатии видный осетинский писатель и учёный испытывал к Абхазии, абхазскому народу и его истории, свидетельствуют многие события. Одним из них является опыт достаточно эффективного взаимодействия Нафи Джусойты с выдающимся национальным лидером Абхазии, доктором исторических наук, профессором В. Г. Ардзинба. Будучи народными депутатами СССР, в недрах Верховного Совета бывшей советской державы они вместе боролись за восстановление суверенных прав абхазов, осетин и других малочисленных этносов. Постоянный интерес к истории, культуре, традициям, непосредственное участие в национальных движениях своих народов сблизили и объединили Нафи Григорьевича и

его коллегу — поэта, общественного деятеля Геннадия Аламиа. Думаю, далеко не ординарен и тот факт, что Нафи Джусойты перевёл на осетинский язык и издал отдельной книгой стихи и поэмы Дмитрия Гулиа «Мой очаг», а Геннадий Аламиа, как профессиональный переводчик, также смог осуществить перевод лирики Косты Хетагурова на абхазский язык и издать отдельным сборником.

Дружеские споры двух абхазских классиков

У наших писателей Шоты Чкадуа и Алексея Гогуа ещё с юных лет были тёплые дружеские отношения. Я испытывал большое наслаждение от их разговоров на житейские темы, о языке, о литературе, о традициях. Но больше всего мне нравились их шутки — добрые, исполненные абхазского шарма подколки. Было интересно наблюдать, как они иногда спорили о чём-то, моментами сильно жестикулируя. Помню, однажды Шота Евгеньевич предложил мне прогуляться вместе с ним вдоль пицундского побережья и почему-то по тому «маршруту», по которому предпочитал ходить Алексей Ночевич, чтобы как-то развеять усталость. Было это летом, в яркую солнечную погоду. Шли мы по территории заповедника, по

тропинкам, протоптанным туристами-дикарями. В заповеднике можно было наблюдать множество разноцветных и экзотических птиц. Мой старший друг и наставник, щеголяя своими «орнитологическими» познаниями, начинал ненавязчиво «просвещать» меня, напоминая редкие абхазские названия встречавшихся в сосновой роще птиц. В подлинности каких-то названий я стал сомневаться, но продолжал молча и безропотно слушать своего гида, сдерживая себя тем, что с мэтрами и менторами не спорят... По ходу он иногда имитировал разговоры с неугомонными пицундскими птицами, нашёптывал какие-то звуки на каком-то птичьем языке, время от времени предлагая порхавшим над нами птичкам сесть ему на широкую богатырскую ладонь. Однако вся интрига этого затянувшегося рассказа заключалась в том, что мы забыли про пернатых, когда вдруг увидели на игольчатых ветвях сосен веселящихся, кувыркающихся на лету белок.

При виде воистину сказочного зрелища лицо знаменитого драматурга буквально воссияло, и он долго и с удивительной дотошностью рассказывал мне потом о «повадках» этих юрких зверьков. «Ацыҕқәа, сыхазынақәа, ацыҕқәа...» — теперь уже каким-то магическим, понятным только ему и белкам, тотемистическим языком классик начинал

имитировать свой разговор с этими совершенно безобидными существами.

Мы вернулись в «Литфонд» к сумеркам. И как раз у входа в центральный корпус встретили Алексея Ночевича, спустившегося подышать свежим воздухом после напряжённой работы за письменным столом. Он совершенно ненавязчиво поинтересовался результатами нашего «тайного» культпохода. Мы стали делиться впечатлениями. Драматург в силу безграничных фантастических возможностей его излюбленного жанра представил картину наших наблюдений слишком гиперболизированно. Моментами прозаик невольно ухмылялся. Но больше всего рассмешило прозаика то, что драматург описал увиденных нами белок чуть ли не как барсов (ацыҕқәа)… Вот тут и стали спорить на полном серьёзе два классика. Шота упрямо стоял на своём. Алёша неистовствовал, пытаясь убедить собрата по цеху в том, что эти зверьки — обычные беззащитные белочки. И в качестве главного аргумента он привёл довод о том, что хвост у «барса», придуманного драматургом, непомерно длинный, и в тот момент он, как акробат на батуте, раскинул обе руки в разные стороны, чтобы показать, какова в реальности длина хвоста того злополучного обитателя абхазских гор, который никак не мог появиться средь

бела дня в прибрежном пицундском заповеднике (даже в ярком творческом воображении нашего знаменитого комедиографа).

И тут драматург вдруг неожиданно сдался, найдя удобный выход из положения в своей многозначительной импровизации: «Ацхь иахәхааит ацыҷгьы, аешгьы!..», что означало: «Да будь они прокляты божеством кошек — и барс, и белка, и всё их отродье!» И добавил, широко и по-доброму улыбаясь, дружески хлопая прозаика по плечу: «Это же наш гений, он во всём прав, он знает всё, с ним нельзя спорить!»

Пицундский «Литфонд» — Александр Ольшанский — Джума Ахуба

Вновь возвращают в советскую эпоху, с которой связаны судьбы многих наших классиков, воспоминания писателя А. Ольшанского, который, в частности, пишет: «Потом Литфонд СССР построил рядом с Домом отдыха правдистов Дом творчества писателей (в Пицунде — *В. З.*), и я несколько раз брал в него путёвку. Ставрида практически не ловилась. Однажды я поймал десятка полтора ставридок, шёл с пакетиком к себе в номер. Навстречу попался известный мансийский поэт Юван Шесталов. Увидев рыбу, он как-то хищно

расставил руки, выхватил у меня несчастный улов и с криком “Саша, приходи, я строганину сделаю!” помчался домой. Вообще-то, Юван угощал меня настоящей строганиной из нельмы в Ленинграде. Жил он в той самой квартире, где раньше собирались “Серапионовы братья”. Рассказывали байки, что Юван посреди комнаты поставил чум, разводил на паркете костры, — чушь собачья. В тот вечер Юван ждал в гости Кирилла Лаврова, но тот почему-то не приехал, и мы под водочку уничтожили причитающуюся и ему нельму. Не знаю, какая уж у Ювана получилась строганина из ставриды, но, когда я увидел его, раскинувшего руки и похожего на краба, мне стало ясно, почему он выжил в родительском чуме». Далее А. Ольшанский тепло вспоминает о первом директоре пансионата Г. Т. Багатурия, с глубокой болью и переживанием пишет о том, что грузино-абхазская война принесла много горя «в райскую страну под названием Абхазия…» «В каждый свой приезд, — продолжает свой рассказ А. Ольшанский, — я надеялся встретиться с абхазским писателем Джумой Ахуба — у нас возникла короткая дружба в Литинституте, которую прервали моим призывом в армию, — но так и не встретился. Не встретился почему-то и в Москве. У меня же был странный случай с Ольгой Фокиной. Увидев её на съезде, я обрадовался,

подошёл к ней, поздоровался. И вдруг она меня спрашивает: “Извините, кто вы такой?” “Оля, да я же Саша Ольшанский!” — воскликнул я. “Нет, вы не Саша Ольшанский”, — сказала Фокина и отошла от меня. Возможно, что время так изменило мою внешность, что и Ахуба не узнал меня, а я — его? Как-то мне попалась статья о том, что Джуме (Ахуба — *В. З.*) пришлось вынести в грузинском плену, и стало ясно: абхазы никогда не согласятся жить в одном государстве с грузинами… Под общероссийской крышей они с трудом, но уживались, а без неё — увы…» «Иногда с большой грустью и душевной болью вспоминаю дни, проведённые в Абхазии, — отмечает А. Ольшанский. — Отдыхающих из России там становится с каждым годом всё больше, мне хочется туда поехать, но не хочется, чтобы прежние воспоминания были вытеснены новыми впечатлениями. Своё прошлое надо оберегать…»

«Модерновая многоэтажность и идея древней абхазской земли…»

Посвящая истории Дома творчества писателей им. Д. И. Гулиа пространный очерк, невозможно не вспомнить «Рабочие тетради» Александра Твардовского, посетившего Абхазию ещё в 1968 году. На редкость интересно, образно, надолго за-

поминающимися штрихами описал мастер своё пребывание в Пицунде вместе с народным поэтом Б. В. Шинкуба. Пицунда уже тогда начинала медленно входить в стадию «модерновой многоэтажности»:

«…Первое замечательное впечатление — никаких следов недавней стройки, какие и в городах остаются обычно долго ещё после заселения домов, — ни ям, ни битого кирпича, ни досок от опалубок, покорёженных плит, панелей и т. п. Газоновая травка обтекает дорожки — бетонные и плиточные, ни щепочки, ни камешка, как будто эти щегольски-модерновые и, правда, красивые четырнадцатиэтажки стоят здесь давным-давно. И внутри всё хорошо, кроме очень уж старательно модернированной мебели — низкие столики, креслица и т. д. По фасаду — широченная набережная с крупногалечным пляжем, чудесное море байкальской чистоты, а сзади, хотя, строго говоря, нет «задов», — этот древний, мрачноватый в своей древности сосновый бор, который старше этих зданий по крайней мере на 10 тысяч лет, то есть 10 тысяч лет назад такая сосна уже повсеместно на земле кончила свой век. Бедный Шинкуба в тостах всячески старается “примирить” эту модерновую многоэтажность с идеей “древней абхазской земли”».

«Трещат цикады, ветер пахнет смолой…»

Достойны описания страницы, связанные с пребыванием в Пицунде некоторых маститых русских писателей. С Абхазией (в частности, с Пицундой) неразрывно связаны дни достаточно плодотворной творческой работы Юлиана Семёнова, в произведениях (политических детективах) которого, в частности в повести «ТАСС уполномочен заявить», наша страна, абхазы с их обычаями, богатой ритуальной культурой и традициями нашли достаточно оригинальное отражение.

В книге воспоминаний («Юлиан Семёнов» из серии «ЖЗЛ») дочери О. Семёновой представлены некоторые эпизоды встреч писателя с местными жителями: «С середины 70-х папа часто ездил с нами в Абхазию, в Пицунду. В первый же день номер забивался знакомыми абхазцами, приглашавшими в гости. Папин любимец — молоденький бармен Алябрик (девятилетней я называла его «дядя Кораблик») — по вечерам виртуозно готовил коктейли в грохочущем музыкой баре на последнем этаже гостиницы, а днем возил папу по местным “уважаемым людям”. Ездил с бешеной скоростью, отец на него кричал: «Алябрик, разобьёшься, не кидайся с кинжалом на горячее г**но!”

Но Алябрик лишь смеялся, сияя золотыми, по моде тех лет, зубами. …Безмолвные женщины в чёрных платьях накрывают в саду столы: мамалыга, хачапури, жареное мясо, зелень. Палит солнце, трещат цикады, в горячем воздухе разлит горьковатый запах костра. Принесены из погребов плетёные бутылки с вином, расставлены дубовые скамьи, начинаются застолье, тосты. Гости — таков неписаный закон края — не имеют права встать из-за стола до поздней ночи, пока пир не будет окончен (вышел по нужде — значит, слаб, не мужчина). Мы возвращаемся в гостиницу поздно. В ледяной горной речушке Бзыбь плещется серебристая форель, трещат цикады, ветер пахнет смолой, на море — штиль, дрожит на воде лунная дорожка, а вокруг жёлтых фонарей на набережной водят хороводы белые мотыльки…» Думаю, не менее интересны и привлекательны (они, безусловно, представляют ценность для эпистолярного жанра) некоторые фрагменты из письма самого Юлиана Семёнова своим дочерям (конец 1970-х гг.):

«Дорогие доченьки! Дорогая Катюша! Всё, конечно, отлично, и так же цикады трещат, и море пока ещё тёплое, и Алябрик — душенька, и сосны шумят, но только сердце щемит, ибо грустно мне здесь без Дунечки и Ольгуси, всё иное — лишённое нашего августовского смысла, Оленькиных слез

по поводу купаний, Атиных пароксизмов дрянного настроения, совместных наших застолий, споров о необходимости Атиного загара, Ольгиных зажмуриваний в воде… Мне невероятно грустно без вас, так грустно, что хочется сесть за работу, а сил нет, да и машинка плоха, не говоря уже о мыслях: они подобны Морзе — точка — тире — точка, сплошная рвань, уныние и тягомотие…»

«Звучит орган в пицундском храме…»

В многообразной, калейдоскопичной хронике российско-абхазских литературных взаимосвязей достойное место занимают поэт Андрей Дементьев и его воспоминания. В публикации под названием «Абхазия в моём сердце» А. Дементьев яркими красками, проникновенно и взволнованно передаёт своё отношение к Апсны, с которой он породнился благодаря абхазским друзьям по Литинституту. «Слушая удивительные по силе чувств стихи моих новых друзей, я думал о том, что Абхазия — это страна открытых и добрых людей, талантливых и скромных тружеников, неутомимых и жадных до работы. Так говорили стихи. И это же подтвердила вся недолгая, но яркая жизнь большого абхазского писателя Алексея Ласуриа.

Но прошло немало лет, прежде чем мне посчастливилось побывать в Абхазии. Всё было так, как я и представлял себе: много солнца, синевы, света и неповторимой красоты. Красота всюду — от изумрудного прибоя до белоснежных гор, от гладкой линии шоссейной дороги до ровных чайных кустов. И самое удивительное, что ко всему этому невозможно привыкнуть, сколько бы ты ни прожил там...»

И как своеобразное лирическое дополнение к этим трогательным словам, мыслям, ярким краскам лично я воспринимаю стихотворение А. Дементьева «Концерт в Пицунде», посвящённое Микаэлу Таривердиеву:

Звучит орган в пицундском храме.
Нисходит музыка с небес.
И что-то происходит с нами,
Коль мир за окнами исчез.
А белый ангел возле клавиш
Творит на людях торжество.
О чём ты души вопрошаешь
Из вдохновенья своего?
Звучит орган в прохладных сводах,
В печальных сводах допоздна...
И возрождается свобода,
И оживает старина.
А сверху смотрят фрески немо

В земном предчувствии чудес.
Восходит музыка на небо,
Едва сошедшая с небес...

Азат Абдулин и Абхазия

Проблемы, связанные с развитием жанра национальной драматургии, обсуждали в дни пребывания в Пицунде абхазский прозаик, драматург Шота Чкадуа и башкирский драматург Азат Абдулин. Помню, ситуация сложилась таким образом, что после трагических событий в Абхазии и ликвидации Литфонда СССР башкирский писатель долгое время не мог приезжать в Пицунду, о чём глубоко переживал. В 2006 году А. Абдулин вновь прибыл в нашу республику и при поддержке Союза писателей РФ, Союза писателей и Ассоциации писателей Абхазии и руководства ООО «Ассоциации предприятий» Минатома он смог провести свой творческий отпуск в родном «Литфонде». Думаю, следует отметить, что в 1992–1993 годы, в период грузино-абхазской войны, когда многие деятели абхазской культуры волею судьбы и трагических обстоятельств стали беженцами, А. Абдулин смог приютить своих друзей у себя в Башкортостане и оказать им посильную помощь.

Это один из множества примеров того, как писательский Дом в Пицунде сблизил и объединил многих собратьев по литературному цеху.

Гарольд Регистан и Геннадий Аламиа

С Пицундой связано немало занимательных историй, и фигурируют в них достаточно известные писатели. Многие тепло вспоминают о том, как поэт-переводчик Гарольд Регистан, находясь на отдыхе в Доме творчества, частенько выходил на лодке на рыбалку. Возвращаясь с хорошим уловом, он заходил в столовую и щедро отдавал всю пойманную рыбу поварам, чтобы они угостили свежей барабулькой или вкуснейшей черноморской ставридой всех, кто отдыхал в пансионате. С этим достаточно увлекательным занятием связаны и другие сюжеты, о которых рассказывал мне абхазский поэт Геннадий Аламиа. Приезжая в Дом творчества, он работал над созданием не только новых поэтических циклов, поэм, но и эссе, очерков, творческих портретов великих писателей, художников, государственных деятелей. Много энергии отдавал Геннадий переводам шедевров мировой драматургии на абхазский язык («Горе от ума» Грибоедова, «Король Лир», «Юлий Цезарь» и

«Ромео и Джульетта» Шекспира, «Жизнь есть сон» Кальдерона и т. д.). Он тепло вспоминает и часы дружеского общения с собратьями по перу. Часть свободного времени Геннадий проводил на рыбалке — думаю, мало кто об этом знает. Недавно мой друг в нашей привычной беседе за чашкой кофе поведал мне о том, как поэт-переводчик Гарольд Регистан посвящал его в таинства рыболовного ремесла. В конечном итоге наш знаменитый лирик превзошёл своего многоопытного учителя. Эпизоды эти, как мне кажется, настолько необычайны и зрелищны, что Геннадий мог бы написать на эту тему отдельный рассказ (возможно, уже и пишет?..).

Пицундский Дом творчества и украинско-абхазские литературные взаимосвязи

С середины 1980-х годов прошлого столетия нередко приезжали сюда достаточно известные и влиятельные представители украинской литературы: Павло Мовчан, Леонид Талалай и Юрий Покальчук. Они проявляли большой интерес к истории, традиционной культуре Абхазии. Вникали в суть сложных проблем, сопутствовавших становлению абхазской государственности. Разумеется,

особое место в наших беседах занимали литература и искусство. В разговорах, посвящённых вопросам, являвшимся предметом наших общих тревог и переживаний, принимали участие А. Гогуа, Н. Квициниа, В. Амаршан, Д. Чачхалиа, Г. Аламиа и другие признанные мастера абхазского художественного слова. Порой эти беседы длились часами, укрепляя взаимное доверие, способствуя развитию наших давних творческих взаимосвязей.

Юрий Покальчук, с которым, благодаря замечательному абхазскому актёру Кесоу Хагба, у меня завязались очень тёплые отношения, был человеком на редкость благородным, энергичным, деятельным. Он свободно владел многими иностранными языками, много ездил, путешествовал. В качестве журналиста-международника находился в длительной творческой командировке в Никарагуа и других странах Латинской Америки. Восхищался стихами Рубена Дарио — кумира многих испанских писателей, основателя эстетики модернизма.

Впечатляла рыцарская внешность, обаяние Юрия, некоторая импульсивность его характера. «Сначала он заявил о себе как переводчик — одним из первых в СССР начал переводить Борхеса. Кроме Борхеса были Хемингуэй, Сэлинджер, Кортасар и другие… — писала о нём газета «Ком-

мерсант» (11.09.2008). — Чтобы не превратиться в типичного советского писателя, он на время отказался от собственного творчества, но совсем забросить его не мог… Сначала появились рассказы и повести, а в начале 80-х вышел его первый роман “И сейчас, и всегда…”»

Так вот, Юрий Покальчук — один из тех видных представителей украинской интеллигенции, кто с первых дней грузино-абхазской войны открыто выступил в защиту Абхазии. Он посвятил ей ряд актуальных публикаций, документальную повесть, фильм о борьбе абхазского народа за свою независимость. В 1994 году он добился участия абхазской делегации в 12-дневном морском путешествии на теплоходе «Ренессанс» с заходом в прибрежные города стран Черноморского бассейна, Средиземного и Эгейского морей. На корабле, совершавшем тот уникальный круиз, шла конференция по проблемам истории, культурологии, мифологии. В ней принимали участие представители творческой и научной элиты ряда европейских государств. Благодаря незаурядным дипломатическим способностям Юрия Покальчука, его личным связям, авторитету, необыкновенной коммуникабельности абхазской делегации в этом престижном морском симпозиуме была отведена солидная ниша. Слово для доклада о средневеко-

вом абхазском зодчестве было предоставлено писателю, историку Денису Чачхалиа. Выступление синхронно переводилось на английский язык абхазской переводчицей Людмилой Сагариа, и оно вызвало широкий резонанс.

Наши связи с украинскими писателями сыграли значительную роль в драматичный для Абхазии военный период (1992–1993 гг.). Руководитель Абхазии Владислав Ардзинба, получив информацию об активизации прогрузинских политических сил в Украине, принял решение срочно командировать туда видных представителей абхазской интеллигенции и журналистов с целью публичного опровержения ложной информации о причинах начала грузино-абхазской войны.

Эта миссия была возложена на тогдашнего председателя Союза писателей Абхазии А. Гогуа, писателей Д. Чачхалиа, меня, актёра Абхазского госдрамтеатра К. Хагба (в нашу группу входил телеоператор Абхазского телевидения А. Акаба). Наши украинские друзья П. Мовчан, Ю. Покальчук, Л. Талалай, Н. Корниенко, Л. Танюк достаточно оперативно подключились к процессу распространения объективной информации об обстановке и развитии событий в Абхазии. О наших непротокольных встречах с украинскими парламентариями позаботился неутомимый Кесоу Хагба.

Надолго запомнилась беседа с видным писателем и общественным деятелем, руководителем движения «Рух» Иваном Драчом. Примечательно, что он опубликовал (без каких-либо купюр) интервью с членами абхазской делегации на страницах газеты «Вести из Украины». Павло Мовчан, возглавлявший в то время Киевскую писательскую организацию, дал нам возможность провести пресс-конференцию в Доме художника. Помню, с каким сопереживанием, с какой болью он говорил о наших абхазских проблемах. Нас, конечно, сильно воодушевляло и то, что во всех встречах, в том числе и в Союзе писателей Украины, принимала участие наша соотечественница, известная писательница, лауреат Гоголевской и других престижных литературных премий Украины Этери Басариа, чья жизнь оборвалась так рано. Благодаря её личным контактам и усилиям нам удалось выступить и по киевскому телевидению — в программе «Украина — окно в мир». Было бы несправедливо не отметить, как мудро и дипломатично содействовала налаживанию наших контактов с украинской интеллигенцией культуролог Евгения Кузьминична Дейч, издавна поддерживавшая добрые отношения с известным искусствоведом Нелли Корниенко и её супругом, депутатом Украинского парламента Л. Танюком.

Я никогда не забуду, как тончайший украинский лирик Леонид Талалай, с трудом сдерживая слезы, клал нам в сумки книги из своей личной библиотеки (Франца Кафку, Кнута Гамсуна и других классиков), произнося дрожащим голосом: «Братья, там у вас сейчас война, несчастья, гибнут люди, но книги всё равно вам пригодятся потом, когда всё это закончится...» И вот я порой, доставая со своих книжных полок бесценные подарки моего украинского друга, думаю, как важны, необходимы человеку такие искренние дружеские отношения, такой диалог и такая моральная поддержка в трудные дни. А зарождались они в стенах добротного и гостеприимного пицундского Дома творчества, так породнившего в своё время писателей самых разных национальностей... Теперь уже, к сожалению, эти воспоминания омрачаются другой, ещё более страшной войной, в которую втянуты многие официальные и закулисные игроки мирового геополитического противоборства. Гибнут люди, льётся кровь, содрогается земля от грохота пушек, взрывов бомб и снарядов.

***

В 1980-е годы в пицундском Доме творчества проводил свой творческий отпуск извест-

ный эстонский писатель, переводчик Арнольд Освальдович Тамм. Читателям той эпохи хорошо знакомы произведения Эме Бээкман — такие как «Возможность выбора», «Возможность отречения», «Час равноденствия». Они были посвящены проблемам современной женщины. Одним из переводчиков этой серьёзной эстонской прозы на русский язык был Арнольд Тамм. Также ему принадлежит перевод книги детской прозы Сильвии Труу «Месяц как взрослая». В дни пребывания Арнольда Тамма, являвшегося тогда главным редактором издательства «Советский писатель», в пицундском «Литфонде» с ним общались его абхазские коллеги Алексей Гогуа, Алексей Джениа, Николай Квициниа. Одной из тем этих бесед являлась перспектива издания абхазской классики в одном из ведущих московских издательств, где эстонский писатель занимал высокое положение. В советскую эпоху в «Советском писателе» издание произведений национальных литератур входило в шкалу издательских приоритетов. Сейчас эти льготы и лимиты практически преданы забвению — каждый пробивает свои проекты в меру своих личных возможностей.

В декабре 1979 года в Доме творчества проходил семинар молодых писателей-очеркистов с участием абхазских писателей и журналистов. В начале 1980-х здесь проводил свой творческий отпуск монгольский поэт, переводчик романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на монгольский язык, секретарь Союза монгольских писателей, лауреат государственной премии Монгольской Народной Республики Чойжилын Чимид и заслуженная артистка МНР Пурэвийн Цэвэлсурен.

В 1981-м сюда приезжает известный детский писатель Анатолий Алексин. В 1982-м в пицундском Доме творчества состоялось Всероссийское совещание молодых писателей, пишущих для детей и юношества. С 27 апреля по 11 мая 1981 года в Пицунде проходит семинар молодых писателей внутренних войск СССР, организованный по инициативе СП РФ и политуправления внутренних войск. В мае 1984-го в книге отзывов и пожеланий Дома творчества оставляют свои автографы и добрые пожелания Берта и Хосе Антонио Португандо. В 1988 году в пицундском «Литфонде» состоялся VIII семинар детских писателей России, в

1990-м — Всероссийский семинар молодых очеркистов. В 2000 году Пицунду посещает писатель В. Ерофеев.

Писатель-детективист, генерал-майор Николай Чергинец отдыхал и работал в Доме творчества им. Д. И. Гулиа в разное время. Его перу принадлежат романы «Финал Краба», «Тайна овального кабинета». Последний раз писатель из Минска находился на отдыхе в Пицунде в августе 2005 года: «…Я как начал черкать в трёхкопеечных блокнотиках в клеточку, так и сейчас пишу. Потом переписываю на стандартные страницы всё той же шариковой ручкой. И плачу машинистке — так мне удобнее. Ни пишущую машинку не освоил, ни компьютер… Поздно, видно! За ночь могу выдать страниц 15–20 в блокноте. Хорошо всегда писалось в Пицунде, в Доме творчества. Запоем. Иногда из отпуска привозил готовый роман. Когда-то установил себе за правило: хочешь, не хочешь, можешь, не можешь, а три страницы в день напиши! Память у меня хорошая, фабулу держу в голове, так что лишних записей с собой не таскаю — ну разве что забудешь цвет глаз героя или во что он был одет в начале повествования. А так — всё в голове!» («Литературная газета», 2003 г.).

Помимо писателей в пицундский Дом творчества нередко приезжали известные учёные. Так, в

2002 году здесь отдыхал И. Н. Каневский — доктор физико-математических наук, член Международной Академии Высшей школы и Международной Академии Нью-Йорка, начальник кафедры физики Морской Академии им. адмирала Г. И. Невельского. В том же году здесь находились П. П. Олейников — доктор наук, профессор, академик метрологической Академии РФ, Л. Олейникова — доцент, Л. Шарифуллина — преподаватель РХТУ им. Д. Менделеева (с семьей), Е. П. Смирнов — главный травматолог Владимирской области (2002–2003 гг.).

Пансионат «Литфонд» и абхазские писатели

Традиционно в Доме творчества им. Д. И. Гулиа абхазские писатели и представители других национальных литератур обсуждали вопросы, связанные с работой по взаимному переводу лучших художественных произведений.

Значительную роль сыграл Дом творчества в развитии и популяризации абхазской национальной культуры в целом. Одно дело, когда абхазский автор едет в Москву, Санкт-Петербург искать переводчика по разным каналам, другое — когда эти связи налаживаются здесь, на живописном пицундском прибрежье.

В 1970–1980-е годы в пицундском Доме творчества за письменным столом, над рукописями ещё не завершённых вещей или новых произведений проводили свои плодотворные творческие дни и недели Баграт Шинкуба, Алексей Джонуа, Шарах Пачалия, Кумф Ломиа, Нелли Тарба, Владимир Ацнариа, Джума Ахуба, Платон Бебиа, Мушни Микая, Шалодиа Аджинджал, Шамиль Пилиа, Алексей Аргун, Николай Хашиг, Рушни Джопуа, Анзор Мукба, Денис Чачхалиа, Юрий Лакербай, Николай Патулиди, Артавазд Сарецян.

Здесь рождались или успешно завершались произведения (работы, исследования) Шоты Салакая, Сергея Зухба, Сариона Таркил, Рауля Ласуриа, Геннадия Аламиа, Рушбея Смыр, Анатолия Возба, Руслана Капба, Владимира Басариа, Сергея Квициниа, Инны Хашба, Вахтанга Абхазоу, Гунды Квициниа, Гунды Саканиа, Анатолия Лагулаа, Сергея Агындиа, Виталия Шария, Энвера Ажиба, Заиры Тхайцук, Надежды Венедиктовой, Инны Хаджимба. Невозможно в рамках одного очерка в подробностях рассказать о том, какие темы разрабатывали вышеупомянутые авторы, какие они испытывали ощущения в процессе вживания в новые темы и образы. Однако с уверенностью можно говорить о том, что книги, созданные в уютных номерах «Литфонда», составляют целую библиотеку.

И нередко публикации наших писателей помечены словами «Пицунда, Дом творчества писателей им. Д. И. Гулиа» — с указанием дат пребывания в нём. Для истории литературы, для биографии писателя эти нюансы имеют далеко не второстепенное значение. Во время грузино-абхазской войны данный объект культуры, как и другие пицундские Дома творчества и отдыха, уцелел благодаря тому, что огненный шквал боевых действий не достиг Пицунды, остававшейся по эту, относительно безопасную сторону грузино-абхазского противостояния, хотя и сюда доходило тревожное эхо пушечных выстрелов. Уникальную экологическую нишу, занимаемую Пицундой, её неповторимые природные богатства, археологические, архитектурные ценности удалось уберечь от разрушительных последствий войны в первую очередь благодаря самоотверженности и стойкости Абхазской армии, в состав которой входили и добровольческие отряды из республик Серверного Кавказа и с Юга России. В число защитников Родины входили и сами пицундские воины, многие из которых положили свои жизни на алтарь священной Победы. Фотографии героев, спасших мирную жизнь и тепло очагов, размещены на фотостенде, вывешенном в вестибюле Дома творчества им. Д. И. Гулиа. Многие отдыхающие,

обладающие очень скудной информацией о том, как Абхазия боролась с оккупационным режимом, знакомясь с фамилиями абхазских бойцов и их биографиями, узнаю́т правду о том, что на самом деле пережила свободолюбивая Апсны.

***

В ту неспокойную пору коллектив пансионата предпринимал значительные усилия по сохранению комплекса. После войны постановлением правительства Абхазии Дом творчества им. Д. И. Гулиа был включён в перечень объектов, являющихся государственной собственностью независимой Республики Абхазия. Однако постановление предусматривало, что дирекция пансионата на договорной основе переходит в ведение правления Союза писателей Абхазии и Литфонда республики, являвшихся де-факто правопреемниками Союза писателей СССР, полноправными членами которого были и писатели Абхазии. В тяжёлую послевоенную пору, когда Абхазии была объявлена противоречащая всем международным правовым и гуманитарным нормам экономическая блокада, руководством пансионата совместно с руководством Абхазской писательской организации и её Литфонда в чрезвычайных условиях были созданы необходимые условия для приема отдыхающих.

Судьбой родного пансионата интересовались многие российские писатели, для которых он в мирное время стал излюбленным местом отдыха и творческой работы и уединения. Были и такие, кто, несмотря на сохранявшуюся нестабильность ситуации в стране, где ещё не отгремела война, стремился сюда из чувства искреннего сострадания к братскому народу, к абхазской интеллигенции.

«Погиб же Байрон за свободу греков...»

На мой взгляд, в несколько трагикомических тонах описан эпизод подготовки поэта, прозаика Владимира Солоухина к поездке в Абхазию, с которой его связывали не только творческие, культурные узы, но и личные дружеские контакты с видными абхазскими писателями. Так, в рассказе «Вновь я посетил» перед читателем открывается следующая картина: «Дома моя идея поехать в Абхазию была встречена в штыки. "— Ты с ума сошёл! Там же война! — Война закончилась. Грузины ушли. — Как бы не так! Там стреляют из-под каждого куста. Сухум весь разбит. Дома все разбиты. Там тебя захватят в заложники, а здесь с нас будут требовать выкуп. — Так вы не давайте никакого выкупа. Что сказала вдова Чаплина, когда

бандиты украли из могилы гроб с телом артиста? Она сказала: «Чарли у меня в сердце, а с гробом делайте что хотите». — Но ты же пока не гроб с телом, а живой человек. Тебя будут мучить, пытать, а мы здесь будем собирать пожертвования, чтобы тебя выкупить… Там вертолёты летают прямо над пляжами и над базарами и расстреливают людей. Этери, жену Вани Тарбы, и ту убили. — Ну… погибну, дело большое. Погиб же Байрон за свободу греков. Погибнуть за свободу — святое дело". Так, наполовину со смехом, наполовину со страхом, и проводили меня домашние в прекрасную, а по их представлениям, в ужасную Абхазию…» Далее Владимир Солоухин достаточно увлекательно рассказывает о своей поездке по Абхазии. В частности, о том, как ему удалось хоть ненадолго заглянуть в Дом творчества. «Как было не заехать (проезжали мимо) в курортный комплекс Литфонда. Огромное здание, рядом корпус поменьше, называется "Детский", подсобные корпуса, обслуга в белых халатиках, регистратура на месте, а отдыхающих — никого. За меня ухватились. Прибежал заместитель директора: "Как же так? Вы же должны у нас отдыхать! — Нет, я приехал гостем в частный дом. — Неправильно это. Вы же — наш!" А я про себя подумал: вот была организация — Литфонд! Какой взгромоздили комплекс. Это какие же день-

жищи надо было иметь! А теперь… у меня в Переделкине осталась от прежних времен литфондовская дачка, крылечко обвалилось, и всего-то надо две доски, четыре гвоздя, и нет у Литфонда “духу” гнилое крылечко починить». В воспоминаниях писателя В. Ганичева «Гоголь бессмертен», на мой взгляд, весьма впечатляет рассказ о том, какой отдых предпочитал В. Солоухин, приезжая в Пицунду в советскую эпоху, ещё задолго до вышеупомянутых драматических событий: «…Он был мой сосед по Переделкино, и мы часто прогуливались по улице Серафимовича. На одной из последних встреч он мне рассказал довольно поучительную историю. Он любил приезжать в Дом творчества в Пицунде в октябре, когда большинство писателей покидало санаторий. Он приезжал, его радушно там встречали, ибо он знал всех. Звал обслуживающую этаж Марию Егоровну и царственно говорил: “Мария, купи, пожалуйста, две банки «Изабеллы» хорошей”. Та обычно соглашалась, но тут сказала: “Да сейчас всё ведь, Владимир Алексеевич, разбавляют водой вино-то”. Солоухин подумал и сурово сказал: “Да ты мне своё принеси! Ты же не разбавляешь?” Мария подумала и сказала после паузы: “Нет, я — нет!.. Да и то…”. Было в этом “да и то…” и желание заработать, и робкая попытка признаться в грехе. Мы посмеялись…»

Начало реального процесса восстановления деятельности пансионата связано с принятием специального постановления Правительства Абхазии, предполагавшего заключение договора об аренде с ООО «Ассоциация предприятий Минатома». Договор предусматривал сохранение льготных условий для отдыха и творческих командировок писателей Абхазии за счёт возможностей пицундского Дома творчества им. Д. И. Гулиа. И вновь обратимся к скупому, но важному в культурно-информационном плане языку хроники и фактов:

В 2003 году в Пицунде, в Доме творчества им. Д. И. Гулиа состоялась встреча с писателем Ф. Искандером.

В 2006, 2010 годах в «Литфонде» проходили семинары (конференции) по проблемам атомной энергетики, с участием специалистов из различных регионов Российской Федерации. Перед ними со своими стихами выступили абхазские поэты Б. Гургулиа, П. Бебиа, Д. Чачхалиа и я. Свои популярные бардовские песни вниманию участников семинара предложил певец, летчик ВВС Абхазии В. Хромых. В творческой встрече принимала участие специалист по зарубежным литературным взаимосвязям, супруга известного русского фило-

лога Е. Дейч. Абхазские поэты ответили на вопросы участников семинара, подарили свои книги с автографами российским учёным-атомистам.

В октябре 2006 года по инициативе правительства Абхазии здесь состоялся экономический форум с участием зарубежных экономистов и инвесторов.

Символично, что делегация известных российских писателей, принимавших участие в праздновании в 2007 году 90-летия со дня рождения народного поэта Абхазии Б. Шинкуба, была размещена в пансионате «Литфонд» (Дом творчества им. Д. И. Гулиа). По поводу русско-абхазских литературных взаимосвязей, и, в частности, творческих встреч, связанных с шинкубовскими днями, поэт, литературовед М. Ласуриа, отвечая на вопросы корреспондента «Литературной газеты» Б. Лукина, отмечал: «Опыт советской литературы, особенно для старшего поколения, действительно трудно переоценить. По мере сил мы стараемся восстановить творческие и деловые контакты, в первую очередь с писателями Северного Кавказа и, конечно, Москвой. Со столицей России в прошлые времена у абхазских писателей была крепкая дружба. Мы до сих пор, как будто это было вчера, помним дни советской литературы в Абхазии и наши ответные визиты в Москву. В по-

следнее время былые контакты восстанавливают. Яркий пример — приезд большой группы московских писателей на торжества по случаю 90-летия Баграта Шинкуба».

В числе гостей — участников шинкубовских торжеств, ставших значительным событием в рамках традиционного российско-абхазского культурного сотрудничества, были С. Куняев, И. Сабило, Б. Тарасов, Л. Бородин, З. Налоев, А. Парпара, Г. Ананян, В. Широков, В. Винников, Э. Басария.

Рушбей Смыр и Наталья Орлова

Примечательно, что творческие искания известного русского поэта, переводчика Натальи Орловой в определённой степени связаны с пицундским «Литфондом». Мастер хорошо знакома с нашей историей, традиционной культурой, людьми, олицетворяющими собой развитие современной абхазской литературы. По просьбе абхазского классика М. Т. Ласуриа она блестяще справилась с задачей переложения на русский язык лирики поэта-героя Саиды Делба и исторической поэмы Рушбея Смыр «Семра». По этому поводу в Москве в Центральной научной библиотеке имени Некрасова состоялась презентация книги «Семра» — о тя-

жёлой судьбе генетически родственных убыхских и абхазских народов, переживших махаджирство (депортацию). Поэт Наталья Орлова, говоря о поэме «Семра», которую она перевела на русский язык, отметила, что в эпическом произведении, в отличие от прозаического, «как во сне, возможно одновременное существование различных времен и героев, встроенных в единую поэму, — как мелодические ряды выстраивают оглушительную органную фугу» и что её потрясло «мощное органное звучание» произведения Р. Смыр.

Я познакомился с Натальей в дни отдыха в пицундском Доме творчества. Говорили мы о многом: о Толстом, о Чехове, о причинах ухода Л. Толстого из Ясной Поляны. По её подсказке я прочитал великолепное исследование (эссе) Ивана Бунина «Освобождение Толстого» — вещь, конечно, потрясающая. Я читал работы Владислава Ходасевича и Павла Басинского на эту тему, но Бунин превзошёл всех. Я подарил Наталье Степановне свою книгу «Дисциплина духа». Она внимательно следит за развитием абхазской литературы, вместе со своим мужем, выдающимся переводчиком Михаилом Синельниковым, вносит значительный вклад в перевод и популяризацию лучших произведений абхазской классики.

***

Возвращаясь к рукописному сборнику «У самого синего моря», хотелось бы процитировать строки о Пицунде и Абхазии, написанные новгородским поэтом Василием Соколовым в дни пребывания в пансионате «Литфонд»:

Волна, как звенящая рифмой строка,
Вздымается две-три секунды,
Играет, и ласково, в ритме стиха
Ложится к подножью Пицунды…
Абхазия, солнцем твоим прокалён,
Слепящим приезжего взоры,
Я с первого взгляда и шага влюблён
В твои поднебесные горы…
На них облака свой находят приют,
Снега опоясав туманом.
А розы у моря всю зиму цветут
На диво гостям-северянам…
На севере осень, дожди то и знай,
А здесь продолжение лета.
Здесь Дмитрия Гулиа солнечный край,
Достойный восторга поэта!

Поэт, переводчик из Москвы, востоковед Михаил Курганцев, отдыхавший в Пицунде в 1980-е годы (кстати, успешно переводивший философскую лирику Мушни Микая на русский язык), оста-

вил в дар Дому творчества им. Д. И. Гулиа стихотворение «Абхазия», начинающееся со следующих строк:

Абхазия, души моей страна,
Омыта морем, лозами обвита.
Твоя родная речь напоена
Дыханьем первой буквы алфавита…

Есть нечто печальное и в то же время сакральное в том, что Михаил Курганцев скончался 31 декабря 1989 года именно здесь, в Пицунде, в «Литфонде», где он достаточно результативно работал над переводами на русский язык произведений абхазских, арабских, турецких, бенгальских, французских классиков, прекрасно владея языками оригиналов.

***

В рукописный сборник, оставленный в дар «Литфонду», вошли стихотворения Виктора Сысоева (из Калининграда), Геннадия Суздалева (из Карачаевска), Поликарпа Шабатина (из Киева), Анатолия Пашлыка (из Ленинграда), Марины Юницкой (из Брянска), Даниила Долинского (из Ростова-на-Дону), Пладерса Освальда (из ГДР) и других.

Простые работницы пансионата — о великих писателях

Думаю, представляют определённую ценность некоторые фрагменты из моей беседы с сотрудницами пицундского пансионата «Литфонд» Зинаидой Мустафаевой и Валентиной Ивановой, добросовестно работавшими в библиотеке и пищеблоке пансионата долгие годы. Они вспоминали много интересных эпизодов, по которым можно получить представление о некоторых чертах характеров и даже странностях отдыхавших и работавших здесь писателей. Судя по рассказам ветеранов пансионата «Литфонд», В. Дудинцев был весьма вежлив и корректен в общении с простыми людьми. Валентина Иванова назвала свою дочь Лизой (Елизаветой) в честь дочери Бэллы Ахмадулиной, с которой познакомилась здесь, в пицундском «Литфонде». В настоящее время, окончив медицинский институт с красным дипломом, Лиза работает врачом в Сочи, в 4-й поликлинике. Зинаида Мустафаева вспомнила забавный случай о том, как у жены Роберта Рождественского Аллы Киреевой (литературного критика, художницы) на спине порвалась молния и ей пришлось срочно переодеться в другой наряд. За помощь в этой

неординарной ситуации на второй день супруга поэта подарила Зинаиде коробку конфет. Вроде бы деталь не столь важная, но интересная и любопытная…

Поэт Илья Швец посвящал стихи работницам Дома творчества и оставлял их в книге отзывов. А поэт Николай Доризо, приезжавший сюда с женой, солисткой Московского театра оперетты, по рассказам сотрудниц пансионата, пил с утра сыворотку, чтобы похудеть. У сотрудниц «Литфонда» остались приятные впечатления от общения с Эдитой Пьехой, приезжавшей сюда с маленьким внуком — известным в наши дни певцом Стасом Пьехой.

Тепло вспоминают мои собеседницы об очень добром и общительном писателе Данииле Гранине. «Он был очень изобретательным. Оставил библиотеке Дома творчества изготовленный им сувенирную подставку для авторучек… Делал пепельницы из камушков и морской гальки, дарил их работникам столовой…» — рассказывали мне женщины, вносившие свой скромный вклад в становление этого крупного культурного центра.

Писатель Чингиз Айтматов, насколько помнят В. Иванова и З. Мустафаева, приезжал во время Олимпиады. Чингиз Торекулович был очень вежлив, интеллигентен, дарил сотрудницам свои

книги с автографом. Кстати, выступая в Москве на Международном Форуме писателей и интеллектуалов «Айтматовские чтения: за диалог культур» (2018 г.) с докладом «Ностальгия по Айтматову», я затронул ряд моментов, связанных с дружескими отношениями этого выдающегося мастера слова с абхазскими писателями. Думаю, интересен тот факт, что вместе с Ч. Айтматовым и К. Кулиевым в 1950-е годы в Москве, на Высших литературных курсах, учился и классик абхазской литературы Киршал Чачхалиа. Их роднили не только литература и творческие связи, но в известной степени восточный дух, схожесть традиций и ментальности.

Выдающийся кабардинский поэт, прозаик, председатель Литфонда СССР Алим Кешоков в основном останавливался в 217-м номере пансионата. Он тоже был на редкость прост. Судя по воспоминаниям моих собеседниц — уважаемых сотрудниц Дома творчества, — Алим Пшемахович был весьма обходителен, всегда проявлял уважение к рядовым работникам пансионата.

Известно, что Алим Кешоков всегда был по-особому внимателен к проблемам абхазских писателей. О том, насколько эти отношения были искренни, проникнуты глубоким уважением и симпатией к абхазским друзьям, можно судить по

словам, адресованным кабардинским поэтом своему собрату по перу Киршалу Чачхалиа. Я недавно увидел их на титульном листе сборника стихов и поэм А. Кешокова, вышедшего в 1959 году: «Киршалу Чачхалиа, нанёсшему нам визит дружбы и братства, с чувством преданности… Нальчик. 1959 г.». Но подтекст этих слов был понятен только двум классикам, обменивавшимся такими дипломатическими любезностями. «Дело в том, — рассказывал мне Денис Киршалович Чачхалиа, доставая с книжных полок отца вышеупомянутую книгу, — что в те дни абхазский поэт находился в основном в гостях у своего балкарского друга Кайсына Кулиева, а Алим Пшемахович, как бы шутя, намекнул своему кунаку Киршалу Шамиловичу, что он-де не понимает, почему тот уделил так мало внимания своим кабардинским братьям».

Поэт Андрей Дементьев, долгие годы являвшийся главным редактором одного из наиболее популярных литературно-художественных изданий советского периода, в дни пребывания в Абхазии с супругой часто ездил на концерты органной музыки в Пицундском храме. Сотрудницы пансионата хранят о них обоих самые приятные впечатления.

У писателя Анатолия Рыбакова, отдыхавшего и работавшего здесь над своими произведе-

ниями, была проблема сахарного диабета, и по его просьбе сотрудницы изготавливали желатин, помогавший ему бороться с недугом. Бывало, что Кайсыну Кулиеву, у которого также были серьёзные проблемы со здоровьем, готовили обеды отдельно. Генрих Боровик приезжал с семьей. Примечательно, что, уезжая, Боровики просили работниц столовой завернуть им в дорогу немного свежего ачашва (хачапура). Было видно, что они любили и ценили национальные абхазские блюда. Зинаида и Валентина рассказывали мне об известных писателях и поэтах с большой симпатией, считая себя людьми счастливыми, оттого что имели редкую возможность общаться с классиками. Они гордятся тем, что читали некоторые произведения знакомых им не понаслышке авторов.

Вместо эпилога

Материалы, исследованные мной, — лишь часть истории трепетной, поистине ностальгической любви многих писателей к Пицунде, к замечательному городку под устоявшимся названием «Литфонд». Я принадлежу к числу тех литераторов, в жизни и литературной судьбе которых пицундский Дом творчества им. Д. И. Гулиа занимает

исключительное место. Не скрою, я часто думаю об этом замечательном творческом центре, мысленно возвращаюсь к пространству, ставшему для меня (думаю, и для моих друзей!) своеобразным «литературным оазисом». И порой испытываю необоримое желание вырваться из сухумской привычной повседневности и вновь умчаться туда, где слышен гулкий отзвук далёких дней и ночей, проведённых за письменным столом.

Пицунда обладает той сакральной, мистической силой, тем магнетизмом, что даёт возможность как бы стихийно погрузиться в пленительный мир духовного самоочищения через поэзию, через волшебство Его Величества Слова (образ, принадлежащий Алексею Гогуа). Мне иногда хочется подняться на этажи родного Дома творчества, подойти к дверям комнат, где в разные годы мне удавалось уединяться, доверившись рукописям; осторожно войти в них, пройтись тихим, размеренным шагом по их просторным балконам, окинуть взглядом гениальный пицундский ландшафт и окунуться в мир всевластной творческой романтики.

И вот, несмотря на множество субъективных и объективных причин, мешавших проведению моего творческого отпуска, в начале декабря 2015 года, и почти в ту же пору — в 2018 году — мне

удалось вырваться туда, где в молодые годы природа, микроклимат, энергетика этой удивительной местности помогали мне выразить сполна наболевшее, накипевшее, мысли и чувства, которые, давно уже вызрев в закоулках души, просятся на бумагу… Здесь я работал над рукописями неопубликованных стихов, эссе, рассказов, очерков, нуждавшихся в серьёзной доработке, в устранении неточностей и шероховатостей. Откровенно говоря, эту работу я выполнил с глубоким творческим настроем и удовлетворением. Родились и новые стихи — часть из них увидела свет на страницах журнала «Алашара». Именно в пицундском «Литфонде» я завершил, отшлифовал рукописи книг «Первый Президент Абхазии» (о великом национальном лидере В. Г. Ардзинба), «Дисциплина духа», «Ключевые мысли», «И мир оскудеет, когда мы уйдём…», «Время моё вихревое…», «Бзанцы» («Извечное»).

И чем тревожнее ощущение времени и возраста, тем острее и заманчивее желание углубляться в могучее безбрежье пицундской тишины. Тишины извечного, непрерывного самопостижения. И именно в пицундском «Литфонде» я, как нигде, ощущаю напряжённый ритм и тревожную пульсацию непостижимой очистительной силы, таящейся в энергии Тишины.

У пицундского Дома творчества писателей им. Д. И. Гулиа — непростая история, занимающая значительную нишу в многообразной летописи культурных взаимосвязей Абхазии и России. Во-первых, этот знаменитый на весь мир творческий Центр является, образно говоря, детищем Литфонда СССР, истоки которого уходят в историю русской литературы XIX века. Знаковым можно считать зарождение в 1859 году в Санкт-Петербурге «Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным». Идея, как известно, принадлежала писателю Александру Дружинину, и она была поддержана И. Тургеневым, Н. Чернышевским, П. Анненковым, К. Кавелиным и рядом других видных представителей русской творческой интеллигенции. В эпоху революции, гражданской войны, других политических потрясений это общество не могло работать спокойно, стабильно, полнокровно в силу известных причин, но с 1934 года — периода его законодательного оформления в качестве уже советского Литфонда — оно вновь стало играть колоссальную роль в судьбах писателей. Но это, разумеется, всего лишь фрагменты той большой и достаточно драматичной истории.

А теперь что касается новых этапов документальной хроники Литфонда, к которому писатели

Абхазии имеют непосредственное отношение. Я хорошо помню, с какими бюрократическими сложностями было сопряжено принятие решения о строительстве этого, образно выражаясь, флагмана Литфонда СССР — самого крупного и масштабного творческого комплекса. Были определённые попытки тогдашнего грузинского руководства и писателей Грузии взять реализацию проекта, как и всю дальнейшую деятельность нового объекта, под свой контроль. Однако точки над всеми «i» в конечном итоге расставил Союз писателей СССР — его Литфонд со своей мощной разветвлённой системой, осуществлявший реальное финансирование аналогичных проектов. Выбор места в уникальном, экологически привлекательном уголке пицундского морского прибрежья, учёт творческой специфики комплекса — всё это были непростые вопросы, к обсуждению которых приобщались лучшие эксперты-профессионалы того периода. И в известной степени в продвижении столь весомой и значимой идеи определённую роль сыграло и личное знакомство, подлинно братские и дружеские отношения выдающегося абхазского поэта, Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии, депутата Верховного Совета СССР Баграта Шинкуба с признанным мастером художественного слова, председателем Литфонда СССР Алимом Кешоковым.

Пицундский Дом творчества с его замечательными условиями и сервисом служил своеобразным «перевалочным пунктом» в периоды прохождения Дней советской литературы в Абхазии в 1984 году, а также в год чествования 90-летия со дня рождения Баграта Шинкуба, когда сюда приехали многие видные представители литературной элиты СССР и России. Идеи организации этих престижных для нашей республики и нашей культуры мероприятий принадлежат мне, и я горжусь тем, что они прошли успешно. Традиции эти необходимо возрождать. Да, сегодня нет таких возможностей, той могучей писательской организации, каким был СП СССР, но мы должны искать иные возможные пути и формы творческого взаимодействия. И в этом процессе пицундский Дом творчества призван по возможности играть связующую и консолидирующую роль.

Мы, писатели Абхазии, в своё время проявили немало усилий, чтобы при заключении договора с «Росатомом» абхазские литераторы, как правопреемники СП и Литфонда СССР, имели бы определённые льготы и возможность пользоваться путёвками пицундского Дома творчества. Надеюсь, что эта взаимосвязь и впредь будет иметь широкую перспективу.

Что касается моих нередких творческих отпусков в Доме творчества им. Д. И. Гулиа, я бывал там

в разное время, в том числе и поздней осенью, и зимой, когда в атмосфере тишины и спокойствия поэт погружается в себя, в свои глубокие философские раздумья… Такие дни были для меня достаточно плодотворными, насыщенными, наполненными творческим порывом. Я работал там и над новыми подборками стихов, и, временами, над крупными эпическими полотнами, поэмами — в частности, над романом в стихах «Отчизна» («Аджиндж»), в котором, кстати, нашли достойное художественное отражение мои личные встречи и беседы с рядом выдающихся русских писателей, выступивших в поддержку Абхазии в тяжёлый для неё период 1992–1993 годов, когда наша мирная, свободолюбивая страна подверглась вооруженной агрессии со стороны Грузии.

С пицундским Домом творчества связаны мои самые тёплые воспоминания. Искренне желаю ему возрождения и процветания!

Мушни Ласуриа, народный поэт Абхазии, академик, председатель Ассоциации писателей РА, лауреат Государственной премии им. Д. И. Гулиа, Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия

С чего всё начиналось?

Беседа Владимира Зантариа с Денисом Чачхалиа (с сохранением стиля диктофонной записи).

— Денис, что вы могли бы рассказать о предыстории создания Литфонда Абхазии, о процессе его формирования и его роли в определении статуса пицундского Дома творчества им. Д. И. Гулиа?

— На самом деле произошло это не после военных событий, а до военных событий. Дело в том, что уже после развала СССР Союз писателей Абхазии не очень понимал, не имея опыта хозяйственной деятельности, как это можно и нужно делать, организовывать. Помню, мы провожали с Русланом Джопуа Алексея Гогуа — председателя Союза писателей — из Москвы в Сухум, и по дороге в аэропорт как раз возник этот вопрос. И Руслану мы не договаривали подробности этой темы, но когда ввели его в курс дела, он как-то с полоборота, можно сказать, сразу перекинул эту тему на меня. И сказал: «Денис, это ты можешь делать, и давай возьмись». Очень зажёгся Алексей Гогуа и сказал: «Денис, на самом деле, у нас нет человека, который может думать, соображать такими категориями. Более или менее это можешь делать ты, давай возьмёмся за это дело...» И я дал со-

гласие сразу же, чувствуя, насколько это важно и актуально для нашей страны и культуры. В общем, мы взялись за это дело, и таким образом началось создание Литературного фонда Союза писателей Абхазии. Потому что просто Союз писателей Абхазии, как творческая организация, не имел права заниматься хозяйственной деятельностью. А Литературный фонд мог обладать такими правами, как это и было во всех союзных республиках. В Абхазии этого не было, потому что она была автономной республикой и у неё в тот период не было правовых возможностей и правомочий создавать свой национальный Литературный фонд. Я сразу ухватился за это, и взялся за создание такой структуры, как Литературный фонд. У меня были приятельские отношения с тогдашним председателем Литфонда СССР Гюлумяном. И он предоставил мне материалы, которые мне могли бы помочь в составлении Устава Абхазского Литературного фонда, что мы в итоге и сделали. И в этот период в Абхазии уже существовала совершенно новая структура — это было новое веяние, оно не могло быть в старое коммунистическое время. Это был Комитет по государственному имуществу Абхазии, и его возглавлял тогда ещё молодой Беслан Кобахия — очень известный, очень энергичный, сообразительный и неутомимый руково-

дитель. И вот мы с ним вдвоём, вернее, я под некоторым его руководством приступил к работе, и он меня как-то очень здорово подзадоривал в этом деле… И у меня был такой хороший карт-бланш и уверенность в своих действиях, потому что я находил полное понимание со стороны Госкомимущества Абхазии. Помню, какую квалифицированную помощь оказывал нам юрист этого же учреждения Астамур Губаз.

— С какими сложностями вы столкнулись на пути определения статуса Литфонда Абхазии и, естественно, пицундского Дома творчества писателей им. Д. И. Гулиа? Наверно, были какие-то подводные камни, какие-то силы, препятствовавшие самостоятельности этих учреждений?

— Да, были, и в каком-то смысле — неожиданные. Почему? Потому что на пространстве всего Советского союза более или менее безболезненно отдали всё писательское имущество союзным республикам. А тут всё-таки автономная республика, и ещё не очень понятны её взаимоотношения с Грузией, и всё прочее. И можно было даже по этой мотивации не отдавать. Была такая задумка, но я в этом смысле был совершенно непримиримый. Было ясно, что без материальной базы Литературный фонд действовать, работать не сможет. Появ-

лялась реальная возможность подтянуть оплачиваемость писательского труда, а потом оплачиваемость детской литературы. К тому же в отношении молодых, начинающих авторов можно было гонорарную политику провести более системную. Одним словом, там открывались большие возможности. Можно было бы очень хорошую полиграфическую базу создать для Союза писателей, и я был, конечно, окрылён всем этим, не понимая, что ещё есть разные человеческие факторы и сопротивляющиеся личности, что в принципе помешало реализовать полностью этот проект, и даже, собственно говоря, этот проект был сломан в том изначальном понимании, каким я его себе представлял с учётом интересов нашей литературы и культуры в целом.

— На каком уровне приходилось решать все эти вопросы за пределами Абхазии? Наверное, вы сталкивались с определёнными сложностями и на чиновничьем уровне?

— Да, разумеется, очень мощной структурой был сам Литфонд СССР. Там были задействованы в управлении советов очень влиятельные личности — влиятельные не только в писательской среде, но и в чиновничьей… И они, конечно, создавали серьёзные проблемы, потому что это был последний шанс и оплот того, что они могли бы забрать из

имущества бывшего Литфонда. И они вели очень жёсткую, непримиримую политику, к делу подключили и всех наших авторитетов тоже. Там был председатель Союза писателей России Валерий Поволяев — он был очень плотно задействован в этом процессе. Ему удалось подключить Фазиля Искандера. Ну, Фазиль Искандер не настаивал на этом варианте. Он мне подсказывал некие такие варианты, суть которых заключалась в следующем: «Самое главное, не сделайте ничего опрометчивого, о чём могли бы пожалеть потом, — всё остальное ты знаешь лучше меня...» И он как-то вот так мягко отнёсся к крайне сложной ситуации. Но вот Валерий Поволяев (по-моему, это была его инициатива) сделал так, чтобы в этой комиссии по возвращению имущества Литфонда главным лицом оказался Тимур Гайдар — отец тогдашнего премьер-министра Егора Гайдара. Он, конечно, был очень серьёзной фигурой, не дававшей решить этот вопрос спокойно, конструктивно. Сопротивлялся, конечно, и сам директор Дома творчества писателей Гугуша Багатурия. Он был очень хороший хозяйственник, но, разумеется, он был человеком тбилисских кругов, тбилисских взглядов на развитие абхазской литературы, культуры в целом. И разумеется, нам было с ним не по пути, и мы настаивали на своём, приводили ему свои аргументы, но он был тоже доста-

точно настойчив и пытался убедить нас в обратном. Мы ему говорили, что очень дорожим отношениями с ним, делали всяческие реверансы, и они были заслуженные, — относительно того, что он был хороший хозяйственник. И конечно, если бы он был нашей политической ориентации, то подобного хозяйственника не стоило бы искать на стороне. Ну, мы, конечно, в общем там не могли прийти к какому-нибудь консенсусу. И постепенно, поэтапно всё шло к тому, что мы это дело переигрывали в пользу абхазской литературы. И так получилось, что уже 13 августа 1992 года, накануне вторжения войск Госсовета Грузии, в Абхазии у нас шли переговоры по той же повестке дня — заключительное сражение между сторонниками передачи имущества Литфонда Москве и сторонниками его передачи Сухуму. Дело дошло до резких, чуть ли не взаимооскорбительных выражений. Главным переговорщиком с абхазской стороны был я, потому что моим друзьям показалось, что я поставлю вопрос более жёстко, и в данном случае это был именно тот стиль, которым нужно продвигать эту абхазскую идею. И в этой ситуации было заметно, что был звонок Тимуру Гайдару. Оказывается, звонил его сын, премьер-министр тогдашней России, и сказал ему: «Папа, начинается война… Быстренько, сейчас же покидай Абхазию, прилетай в Москву…»

Я не знаю, насколько это естественно, но Тимур Гайдар ни слова не сказал абхазам, а с моральной и этической точки зрения мог бы сказать: «Ребята, держитесь, на вас нападают, мы на вашей стороне, но что ж делать, политика такая вещь и т. д.» Он ни слова не произнёс по этому поводу, мы ничего не знали, вели переговоры о передаче имущества, а в это время к нашей стране уже подтягивали танки. Так что вот на этом моменте и прекратились наши встречи и переговоры, и потом началась война. И вернулись мы к этим разговорам и к вопросам возвращения Абхазии имущества Литфонда уже на фоне Победы. Она далась нам, абхазам, очень тяжело, и, конечно, той эйфории, которая у нас была в начале переговоров, уже не было — мы были умыты кровью. В строительстве новых отношений не было уже той атмосферы и того духа. Но всё равно была работа каждодневная, наступательная, принципиальная и т. д.

***

Касаясь творческих отпусков, проведённых им в пицундском Доме писателей, Денис Чачхалиа отметил, что они были достаточно результативными и плодотворными. Здесь поэт работал в основном над чрезвычайно важными для отечественной литературы и фольклора подстрочными

переводами следующих произведений:

— Нартский эпос абхазов (совместно с М. Гицба).

— Нартский эпос абхазов (новое собрание Р. Гожба, редакция — Вл. Ардзинба, переводы — Д. Чачхалиа).

— Шинкуба Б., избранные стихи.

— Аджба Т., избранные стихи.

— Чачхалиа К. Ш., избранные стихи.

— Смыр Р., избранные стихи.

— Джопуа Р., «Переполох в лесу» (пьеса).

Дом, ставший центром духовного единения народов

В Москве, на творческих и рабочих встречах разных уровней, наши коллеги часто интересуются судьбой пицундского Дома творчества. Чувствуется, с каким теплом и задушевностью вспоминают писатели России дни, проведённые в Абхазии, в Пицунде, в атмосфере дружелюбия, спокойных и доверительных бесед о литературе. И главное, конечно, для каждого писателя, побывавшего здесь по путёвке родного Литфонда, — это произведения, которые они успели написать в Пицунде, или уже начатые вещи, которые они успели здесь завершить. В любом случае эти благословенные

места, роскошная природа, море, горы, гостеприимные и добродушные хозяева, с которыми им удалось здесь пообщаться, оставили добрый неизгладимый след в их воспоминаниях, дневниках, художественных исследованиях.

Начиная с 70-х годов прошлого столетия пицундский «Литфонд» — творческий комплекс, носящий имя Дмитрия Гулиа, — по праву стал одним из крупных центров творческого и духовного взаимодействия и взаимовлияния мастеров, представлявших национальные культуры мощной советской державы. Видимо, благодаря всему этому мастера слова из России, стран СНГ, Белоруссии, Казахстана, других среднеазиатских республик, Армении, а также Крыма, Приднестровья и по сей день интересуются деятельностью пицундского Дома творчества. Особое внимание проявляют к нему наши собратья по перу с Северного Кавказа, с которыми нас связывают общие история, генеалогия и культура.

Мы живём надеждой, что нам совместно с российскими писательскими союзами удастся, уже в современных условиях, восстановить в новом качестве эти бесценные традиции, и на базе новых взаимосвязей найти ключ к возрождению взаимного художественного перевода, без которого немыслим литературный процесс в целом. И во время приезда Председателя Союза Писателей России Николая Иванова с другими известными

писателями в Абхазию мы обсуждали эти вопросы, обдумывали пути их реализации.

Лично я нередко езжу сюда в творческие командировки — атмосфера пансионата, ставшего чуть ли не вторым родным домом для абхазских писателей, возвращает мне творческие силы и возможности, помогает глубже вжиться в новые темы, образы.

Что касается самого комплекса, зданий, сооружений, входящих в него, то они приобрели новый, весьма привлекательный облик в результате успешной реализации проектов «Росатома» при поддержке руководства Абхазии и администрации Дома творчества. Нас, писателей Абхазии, безусловно, радует, что напротив фасадной части главного корпуса пансионата воздвигнут бюст нашего национального гения — основоположника абхазской художественной литературы, народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа, стоявшего у истоков русско-абхазских православных и духовных взаимосвязей.

Вахтанг Абхазоу, поэт, председатель Союза писателей Абхазии, лауреат Государственной премии им. Д. И. Гулиа

Содержание

«С бессмертной душой земли...» 3
Марш-бросок в историю пицундского «Литфонда» 7
Как зарождался Литфонд в России? 14
«Как сказать по-абхазски “люблю”?» 20
Ретроспективный взгляд 22
«Древняя земля, приютившая человека...» 28
Возрождение Пицунды: штрихи к истории застройки курорта 40
«Длинноусый и мудроглазый Дмитрий Гулиа...» . . 44
«Воспоминания о Пицунде, как яркие и пёстрые слайды...» 45
«Море, конечно, не свобода, а лишь символ свободы...» 47
Прозаик и публицист Виталий Шария вспоминает.... 55
«Я буду помнить о Пицунде...» 61
«В диких лесах Пицунды...» 65
«Но нет убыхов здесь и мёртв язык-изгнанник...» 72
Творческие семинары «в позднебрежневскую эпоху...» 76
Из беседы Владимира Зантариа с Денисом Чачхалиа 81
Александр Иванов и Абхазия 84

Вспоминая братьев по литературному цеху 85
Живые творческие диалоги и поэтические вечера. 87
«Абхазия — как Ориноко...» 89
«Внезапное сопряжение двух текстов...» 94
Из беседы Владимира Зантариа с Денисом Чачхалиа 98
Два мэтра 103
«Голубчик! Вы меня обокрали...» 106
«Абхазские слова во мне живут...» 107
М. Дудин и В. Конецкий — в «Пицундской литературной хронике» 109
Три фигуры, три богатыря.... 112
Дружеские споры двух абхазских классиков 116
Пицундский «Литфонд» — Александр Ольшанский — Джума Ахуба 119
«Модерновая многоэтажность и идея древней абхазской земли...» 121
«Трещат цикады, ветер пахнет смолой...» 123
«Звучит орган в пицундском храме...» 125
Азат Абдулин и Абхазия 127
Гарольд Регистан и Геннадий Аламиа 128
Пицундский Дом творчества и украинско-абхазские литературные взаимосвязи 129
Страницы документальной летописи 136
Пансионат «Литфонд» и абхазские писатели 138
«Погиб же Байрон за свободу греков...» 142

Страницы документальной летописи 145
Рушбей Смыр и Наталья Орлова 147
Простые работницы пансионата — о великих писателях 151
Вместо эпилога 155
Беседы. Фрагменты воспоминаний 158
С чего всё начиналось? 162
Дом, ставший центром духовного единения народов 169

Владимир Константинович Зантариа

КУЛЬТУРНЫЙ ОАЗИС ПИЦУНДСКОГО «ЛИТФОНДА»

Из хроники литературных взаимосвязей

Редактор *Ю. Никулина*
Корректор *Ю. Голомазова*
Компьютерная верстка *А. Береджи*
Художник *Р. Габлиа*

Формат 70x100/32.
Усл. печ. л. 7.
Заказ №